

10 дней

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктория Котийяр

18+

Виктория Котийяр

10 дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68877417

SelfPub; 2024

Аннотация

Шестнадцатилетний Андрей после очередных издевательств сверстников решается на ужасный шаг, однако неожиданная находка кардинально меняет его планы. Теперь ему предстоит отменить свою кончину, чтобы пройти неожиданный квест в сопровождении загадочной Незнакомки. Всего десять дней. Ну что может случиться за такое короткое время? Напряжение до последней строчки, дружба, любовь и тайна, которую предстоит раскрыть обычному подростку. Возрастной ценз – 18+

Содержание

Первый день.	4
Второй день.	13
Третий день.	22
Четвёртый день.	38
Пятый день.	55
Шестой день.	69
Седьмой день.	83
Восьмой день.	104
Девятый день.	118
Десятый день.	132
Эпилог.	142

Виктория Котийяр

10 дней

Первый день.

Пасмурно. Ветер рвёт мои волосы, дождь хлещет по щекам, но я иду вперёд и жмурюсь от хлёстких капель. На мне старенькие джинсы, рубашка в клетку и тонкая куртка серого цвета. Я засовываю руки в карманы и ощупываю свои очки в тонкой оправе, бездумно провожу пальцами по стёклам, но надеть их так и не решаюсь. Ботинки давно промокли насквозь, и теперь я чувствую, как вода в носках перетекает от пяток к пальцам и обратно.

Ветер ужасно холодный, но я не сбавляю шага, ведь идти осталось совсем недолго. Поворачиваю за угол и вижу размытые очертания нужного места: одинокий фонарь и поржавевшую ограду, не дающую проходим сорваться в пропасть. Я ступаю на мост, быстро перебегаю дорогу, пока машины далеко, и подхожу к хлипкому парапету. Кладу мокрые руки на железо и перегибаюсь вниз, пытаюсь оценить, достаточно ли высота.

Да. Достаточно.

Под мостом проезжая часть, и я вижу очертания машин

разных цветов, но марки их рассмотреть не могу. Тру дрожащими пальцами свежие ссадины на правой щеке и на лбу. Они горят, но холодная дождевая вода немного унимает боль. Мимо проходит парочка: парень высокий, с широкими плечами, девушка пухленькая, в плаще песочного цвета. Она смеётся, хохочет во всё горло. Наверное, он рассказал ей шутку. Они идут дальше, не обращая внимания на тощего подростка в промокшей насквозь одежде.

Я вновь возвращаюсь к пропасти подо мной. Убираю мокрые волосы назад, но некоторые пряди всё равно выбиваются и падают на лоб, задевая ссадины, отчего кожу вновь прожигает.

Вот и всё.

Я наконец решился. Последние два года моей жизни скомкались в один чёрный и дурно пахнущий день. Я уже сбился со счёта, сколько раз меня избивали одноклассники, а тем более, сколько мата в свою сторону я услышал. Меня закрывали в классе на всю ночь, обсыпали мелом, заставляли жевать мокрую тряпку, которой вытирают доску, отрезали волосы, писали на лбу, кем меня считают.

И били, били, били.

Сегодня они забрали мой рюкзак. Выпотрошили его, какдохлую рыбёшку, а все тетради, ручки и два учебника смыли в унитаз. Рюкзак же растоптали в грязи. Я убежал из школы, не оглядываясь и не задумываясь, чтобы теперь стоять здесь, на мосту, купаться под дождём и вцепляться в железные пе-

рила с облупившейся белой краской.

Смотрю вниз, гипнотизируя проезжающие машины, и никак не могу закончить начатое. Всего-то осталось перелезть через ограду и шагнуть в бездну. Вцепляюсь в мокрый металл ещё сильнее, отчего костяшки белеют. Медлю. Сглатываю вязкую слюну.

Я должен сделать это.

Вдруг краем глаза замечаю красное пятно. Моё внимание невольно концентрируется, и вот я уже иду к лавке неподалёку, постепенно разглядывая небольшой пакетик с алой розой на белом фоне.

Решаю отложить свою кончину на некоторое время и неуверенно присаживаюсь рядом на мокрое дерево. Рассматриваю пакет, касаюсь пальцем, смахивая несколько капель. Хочу открыть и посмотреть, что там, но медлю.

Вдруг бомба?

Усмехаюсь, потому что и так решил покончить с собой, так чего ж бояться какой-то бомбы.

Уже увереннее беру пакетик и раскрываю. Щуря глаза, заглядываю внутрь и вижу небольшой голубой блокнот, упаковку то ли с печеньями, то ли с конфетами и помятый тетрадный листок в клетку. Закрываю обратно и воровато оглядываюсь, думая, что это чей-то розыгрыш, и сейчас меня будут снимать на камеру. Но вокруг никого, только вдалеке быстрым шагом, огибая лужи и прячась под зонтом, идёт си-

луэт. Я не могу разглядеть, мужчина это или женщина, но силуэт резко сворачивает за угол и исчезает.

Вновь опускаю взгляд на странный пакет и решаю забрать его, а дома рассмотреть содержимое. Суицид откладываю на неопределённое время.

Захожу в подъезд, и сразу в нос бросается запах мочи. Поднимаюсь на второй этаж, спотыкаясь на лестнице дважды. Моя дверь – та, которая с красным пятном. Несколько лет назад на Новый год какие-то дураки облили её краской. А потом утром под лестницей, где вход в подвал, жильцы нашли тело местного алкаша. Решили, что бедолага упился до смерти, пока отмечал.

Попадаю ключом в скважину не с первого раза, пальцы дрожат, а в глазах всё плывёт. Захожу внутрь, кожу тут же обдаёт духота, вокруг витает запах алкоголя, словно я окунулся в ванну с водкой и вдохнул. Морщусь. Примесь пота в воздухе вызывает приступ тошноты. Сдерживаюсь с трудом и стараюсь как можно незаметнее проскользнуть в свою комнату. Протискиваюсь между шкафом, заваленным криво стоящими книгами, и стеной с ободранными обоями, перешагиваю через кучу грязного белья, что уже вторую неделю валяется на старой половице посреди коридора. Вовремя пригибаюсь, чуть ни стукнувшись лбом о низко висящую люстру с вековым налётом пыли.

– Андрей, ты? – кричит подсевшим грубым голосом мать.

– Ага, – нехотя отвечаю и собираюсь уже юркнуть в свою комнату.

– Я кашу сварила, есть хочешь? – она спотыкается несколько раз языком о буквы, и я понимаю, что мать снова напилась.

Молчу и закрываю за собой дверь. Она приготовила кашу неделю назад, а потом снова ушла в запой. Позавчера пила со своим другом-бомжом, а потом застонала, и я вылетел пулей из дома, только бы не услышать чего похуже.

Сегодня вроде мать одна, но продолжает пить, а овсянка так и стоит на плите, разнося по квартире стухший запах. Полгода как я перестал убираться в квартире, ведь мать и её друзья превращают в помойку каждую комнату, куда решают зайти, а ходить за ними по пятам я не намерен. Вычищаю только своё личное пространство, хотя сегодня моя кровать застелена криво, а на стареньком столе стопками лежат тетради и книги. Я кидаю пакет на кровать, беру кружку с табу-рета и цежу остывший чай, который не допил утром.

Постояв у окна, переодеваюсь в домашнее: растянутые спортивные штаны, мятую чёрную футболку, которая на несколько размеров больше, чем нужно, и шерстяные носки. Протираю краем рубашки очки и цепляю их на нос. Мир снова чёткий, хотя радости это не добавляет. Дрожь от холода и нервов ещё бьёт тело, но я потираю руки и дышу в них, желая согреться. Потом кутаюсь в цветастый плед и усажи-

ваюсь рядом с пакетом.

Роза почти светится красным цветом, отчего выглядит несуразно и неестественно среди окружающей серости. Достāju блокнот и откладываю в сторону. Дальше листочек. Он немного смят и ещё не высох от дождевых капель. Разворачиваю, и вижу красивый почерк, скорее всего женский. Правляю очки, прищуриваясь по привычке.

Здравствуй, незнакомый человек! Если ты нашёл или нашла мой подарок, значит, тебе это нужно. В своём дневнике я написала всего десять дней, поэтому прошу не торопиться и читать по одной страничке в день. Ещё я испекла печенья, и надеюсь, что они тебе понравятся. Только съешь их после прочтения, пожалуйста. Уверена, они доживут до конца.

Переворачиваю лист и читаю единственную строчку:

Счастливого пути, странник!

Перечитываю несколько раз, а в это время мои брови ползут вверх. Приятное чувство щекочет живот. Волнительное любопытство разгорается внутри, и я откладываю листочек в сторону, хватаю с каким-то остервенением блокнот и открываю на первой странице.

Почерк точно женский, ровный, стройный, с подскакива-

ющими буквами и причудливыми завитками. Даты нет, по краям листа узорчики из ромбиков и цветочков. Чернила синие, написано с нажимом, в самом начале она обводила буквы несколько раз, видимо, расписывала ручку. Провожу пальцами по тексту, кожей чувствую вдавленные линии, от чего становится щекотно. Отодвигаюсь к холодной стене и аккуратно прислоняюсь к ней спиной, постепенно привыкая к температуре. Какое-то время зависаю взглядом на столе, заваленном разным хламом, потом дёргаю головой, приводя себя в чувства, и начинаю читать.

Сегодня было пасмурно. Я с трудом проснулась из-за отсутствия солнца и полдня лежала в кровати. Читала, смотрела фильмы, ела, и больше ничего. Потом вечером решила, что буду писать дневник. Поэтому здравствуй, дневник, сегодня мой первый день осознанности. Я решила это так назвать. Осознанность. Очень вкусное слово, приятно звучит, и две «н» выглядят красиво. Ближе к шести вечера я решила посмотреть на закат, правда, за крышами многоэтажек очень плохо видно, но раскрашенное небо всеми оттенками красного сгладило мою неудачу. Прогулялась до темноты, потом вернулась домой и снова засела за интернет. Удивительно, но я наткнулась на статью как раз о закатах и рассветах. Там пишут, что люди умирают на закате, потому что душе в это время легче уйти на тот свет. Обнаружила для себя удивительную вещь, что нико-

гда раньше не задумывалась о загробной жизни.

Хотя в последнее время всё чаще приходят мысли, что всё вокруг ненастоящее, словно наша реальность – компьютерная игра. В медицине такое ощущение называют «дереализация». Кстати, сейчас с трудом написала это слово. Несколько раз подглядела в словарь. В девять вечера вновь пошла на улицу выгуливать кота. Да-да, он у меня как собачка, гуляет на поводке. Зовут Митя, чёрный с белыми пятнами. На свою кличку котяра не откликается, только на «кыс-кыс» и громкие крики. Кстати, вчера он разбил мамину вазу, за что ему неплохо влетело. Сейчас сижу под одеялом и пишу свои мыслишки. Уже выпила горячего какао, собираюсь спать. Поэтому до завтра, мой дневник.

Страница заканчивается, и я рефлексивно переворачиваю её, но тут же вспоминаю, что незнакомка просила читать по одной странице в день, поэтому нехотя закрываю дневник и складываю всё на стол, включая кругляшки печенья в прозрачном пакете. Их я кладу на подоконник, чтобы не очерствели в тепле. Из щелей в оконной раме как раз поддувает сквозняк.

Сажусь за уроки, но мыслями все ещё в её первом дне. Отчётливо представляю чёрного кота с белыми пятнышками, разгуливающего на поводке. Смеюсь, прикрывая рот рукой. С трудом доделываю уроки: несколько задач и примеров по математике, два упражнения по русскому и параграф

по истории про Октябрьскую революцию. Почти ничего не запоминаю, потому что мозг напрочь отказывается концентрироваться на скучных фактах. Ближе к вечеру слышу, как хлопает дверь. Тяжёлые шаги и грубый мужской голос. Это означает, что к матери пришёл её дружок.

Достаю из кармана куртки шоколадный батончик, наспех съедаю его и запиваю остатками чая. Закрываю дверь на щеколду, достаю старенький плеер и вставляю в уши наушники. Выходить из комнаты не планирую, чтобы не столкнуться с пьяными лицами. Музыка ставлю на громкую, ложусь и вскоре засыпаю.

Второй день.

Просыпаюсь с больной головой. Среди ночи один раз вскочил от резкого перехода в музыку, выключил, лёг обратно, но ещё долго ворочался. Сейчас в висках стучит, а я думаю, что зря вчера не самоубился. Тревога нарастает, когда вспоминаю, что нужно снова идти в школу. Там опять встречу одноклассников, да ещё и мой рюкзак лежит где-то среди грязи, а учебники с тетрадями утоплены в туалете. Намеренно не спешу, решая опоздать, чтобы не давать лишнего шанса моим недругам поиздеваться надо мной. Блокнот, листок и печенье прячу в пакет и ставлю на подоконник, прикрывая стопкой книг.

Выхожу на улицу быстро, не зная, дома мать или нет.

Жива или нет.

Дождь прошёл, но погода холодная, ноябрьская, хотя в прошлом году в это время было ещё тепло. Прихожу через пять минут после начала урока, извиняюсь и сажусь за заднюю парту один.

– Контрольная сегодня, помнишь? – спрашивает Санёк, пухлый парень со светло-русыми волосами ёжиком. Он сидит впереди.

– Угу, – мычу я в ответ, чувствуя на себе злой взгляд справа.

– Дашь списать? У нас один вариант, – шепчет он, озираясь на учительницу, которая что-то усердно печатает в телефоне.

– Я сам ничего не знаю, – отвечаю честно и кошусь в сторону среднего ряда.

Как я и предполагал, они оба смотрят на меня, и от этого пятки холодеют, а в животе начинается неприятная дрожь.

Санёк перешёл в наш класс в начале года, и первое время тоже подвергался издёвкам. Но однажды одноклассников в тёмном углу встретил его отец, бывший зек, избил их, и теперь пухляша не трогают, но особо и не общаются с ним. Со мной Санёк в приятельских отношениях. Крепкая дружба у нас так и не получилась, хотя я искренне пытался, но ему намного интереснее общаться с девчонками. К моему же горю, женский пол скорее выберет толстого паренька, чем прыщавого тощего неудачника.

Я пишу контрольную по математике и никак не могу сосредоточиться на примерах. Учительница несколько раз шипит на переговаривающихся девчонок, и они замолкают. Санек снова просит меня дать списать, и я нехотя протягиваю ему свой листок.

– Васнецов! – вскрикивает учительница, я дёргаюсь и устремляю на неё затравленный взгляд, – быстро забрал свой листок у Балагуева! Ещё раз увижу, что списываешь, поставлю два заочно!

– Да я не... – мямлю, но под её тяжёлым взглядом не ре-

шаюсь продолжить.

Санек виновато возвращает мои примеры и отворачивается. Сбоку раздаются тихие смешки, но я наклоняю ниже голову и вновь погружаюсь в контрольную.

После звонка вылетаю из класса первым, попутно бросив исписанный кривым почерком листок в общую стопку. Устремляюсь в следующий кабинет, не оборачиваясь, в надежде избежать общения с моими недругами.

Прошли русский язык, история, биология и черчение. Ни на одном уроке меня не спросили, чему я был несказанно рад, хотя на последней перемене за спиной услышал своё имя, брошенное с насмешкой, но быстро успел забежать в класс. При учителях они меня не трогают.

Начертив кривые линии и получив за это честную тройку, выхожу в коридор и чуть ли ни бегу к выходу. Они шагают за мной, я чувствую их вперившиеся в мою спину взгляды. До дома идти около десяти минут, но на середине пути чья-то рука рывком останавливает меня за плечо.

– Куда так спешишь? – едкий голос Виктора рождает в животе липкий страх.

– А как же пообщаться с друзьями? – вторит ему Белый, двухметровый шкаф с огромными ручищами и грубой коричневой щетиной.

Белым он назвал себя сам, хотя голова брита почти налысо, а кожа смуглая. Виктор же – меньшей комплектации, од-

нако всё равно выше меня. Он тёмно-русый с уложенными волосами, а у его уха татуировка дракона серого цвета, хотя, наверное, раньше она была чёрной.

Я молча делаю шаг вперёд, но меня оттягивают назад и толкают. Успеваю подумать, откуда столько злобы, и почему именно я.

– Куда идёшь? – Виктор тянет улыбку и нависает надо мной.

– Домой, – отвечаю я, и голос, как всегда, дёргается, выдавая страх.

– Вчера ты очень некрасиво отозвался о моём друге, – говорит он, делая наигранную гримасу обиды, – назвал его неприличным словом. Как-то не по-мужски, что скажешь, Вань?

Белый зло смеётся и тотчас мрачнеет.

– Ага, гнида, – рычит он, и толкает меня в грудь.

Изо рта вырывается выдох, смешанный с криком, и я хватаюсь за горло. Виктор бьёт меня по лицу наотмашь, отчего падаю на асфальт и прикрываю щёку рукой. Она горит и пульсирует, а через секунду начинает неметь. Очки валяются рядом, и я краем глаза вижу, как огромный ботинок Белого давит их. Стекло трескается, осколки рассыпаются в стороны.

Отползаю назад, кашляя от первого удара. Вижу, как мимо идут мужчина и женщина, они совсем рядом, но ничего не делают, только озираются на нас, а потом и вовсе отвора-

чиваются. Чувствую невыносимую обиду, но стискиваю зубы и встаю на ноги. Голова кружится, заставляя тело пошатываться, но я поднимаю голову и с вызовом смотрю в глаза Виктору.

Вчера я действительно напоследок, прежде чем сбежать, нецензурно обругал Белого, который яростно топтал мой рюкзак. И даже сейчас не жалею о своём поступке.

– Пошли вы оба! – бросаю хрипло и вижу, как их лица вытягиваются.

Потом Виктор усмехается, а глаза Белого наливаются кровью.

Секунду размышляю, драться с ними или бежать, но здравый смысл побеждает, и я резко бросаюсь вправо. Виктор успевает ухватиться за мой пакет, но я отпускаю его и несусь через детскую площадку.

– Твою мать имела каждая собака! – слышу вдалеке голос Белого.

Я знаю.

Я это и так знаю.

Чувствую металлический привкус во рту и понимаю, что бежать больше не могу. Перехожу на быстрый шаг, глубоко дышу, заполняя лёгкие до боли, оглядываюсь, но погони нет. Кашель пробивает грудь, сгибаюсь пополам, прикрывая рот руками. Левая половина лица снова пульсирует, и я

представляю, какой будет синяк. Машинально пытаюсь поправить очки, но не нахожу их, вспоминая звук, с которым они треснули. Матерюсь вслух, злюсь на себя за слабохарактерность, на мир за несправедливость, на отца за то, что умер и теперь не может защитить меня. Я ненавижу его слабое сердце, которое однажды перестало биться, ненавижу мать за то, что не справилась с потерей и запила. Ненавижу всех бабушек и дедушек, которые умерли до моего рождения, оставив один на один с пьяным чудовищем. Я чувствую нахлынувшее отчаяние, что остался совсем один, но тут же яростно трясую головой, прогоняя мысли прочь, потому что больше всего я ненавижу себя за жалость.

Иду дальше, и уже в своём дворе принимаю приглашение мальчишек намного младше меня поиграть в баскетбол. Мы кидаем мячик, и я отвлекаюсь, смеюсь вместе с ними, радуюсь, когда в очередной раз попадаю в кольцо. Потом мы играем в карты, в дурака. Я выхожу из игры первым, потому что старше и знаний у меня больше.

В один момент поднимаю голову и замечаю красные полосы на небе. Солнце клонится к закату, напоследок разбрызгивая по голубой выси свои яркие лучи. Вспоминаю про дневник. Сладостное волнение разгорается в груди.

Прощаюсь с ребятами и возвращаюсь домой.

В комнате матери опять слышу мужской голос. Он кричит на неё, но я не вслушиваюсь и закрываюсь в комнате. Достая

блокнот, глазу мягкую обложку, думаю, специально она выбрала голубой цвет, как небо, или нет.

Проскальзываю на кухню, готовлю себе чай, и нахожу несколько овсяных печений в шкафу.

– Ты, тварь, обещала мне две тысячи! Где они?! – к своему сожалению слышу крик друга матери.

Стараюсь не попасться на глаза, чтобы он не решил содрать их с меня. Страх мурашками холодит живот и пятки, и я возвращаюсь к себе, закрывая дверь на щеколду.

Накидываю плед, сажусь за стол, раздвигаю книги и тетради в разные стороны, стряхиваю крошки и ставлю горячий чай перед собой. Снова беру блокнот. Чувствую от него тепло, глазу и бережно открываю на второй странице. Соседний третий день прикрываю одной из тетрадей, чтобы случайно не прочитать. Она же просила.

Сначала люблюсь почерком. Аккуратный, плавный, нежный. Глазу его кончиком пальцев, стараясь ощутить каждую линию и бороздочку от сильного нажима ручкой. Отпиваю глоток чая, язык обжигается, но тепло тут же заполняет желудок, и становится спокойнее. Откусываю печенье и начинаю читать.

Здравствуй, дневник! Сегодня я снова не выспалась. Мне

приснился страшный сон, словно я бежала по лесу и не могла выйти. Я плутала, кричала, но изо рта вырывался только приглушённый хрип. Проснулась глубокой ночью, вся в поту и со слезами на глазах, но ещё несколько минут не могла пошевелиться, как будто меня парализовало. Затем я с криком дёрнулась, вскочила и, конечно же, сразу включила свет. Потом ещё около часа сидела, трясясь под одеялом. Мне казалось, что за мной кто-то следит, как будто некто незримый находится в моей комнате. Я решила почитать про сны, и в итоге наткнулась на «сонный паралич». Это, когда ты находишься между сном и реальностью, но не можешь пошевелиться. Появляется животный страх и ужас. На одном сайте написано, что в этом нет ничего страшного, якобы в комнате просто душно или жарко, но на другом говорится, что некие сущности из потустороннего мира сковывают тебя и выпивают твои жизненные силы. В итоге склонилась ко второму варианту, ведь я почти уверена, что кто-то невидимый в это время был рядом со мной. Я бы хотела показать, какие мурашки ползли по моим рукам и ногам, но тебе придётся поверить мне на слово.

День оказался наискучнеешим. Сходила в магазин, приготовила макароны с мясом, посмотрела пару фильмов, выгуляла кота. Сейчас буду ложиться спать. Пожелай мне спокойного сна, потому что дико страшно...

– Спокойного сна, – тихо говорю я и закрываю блокнот.

Некоторое время обдумываю прочитанное, и надеюсь, что она спала хорошо. Хочется узнать, что было дальше, но оставливаю себя и прячу дневник обратно в пакет и на подоконник.

Снова наушники, снова кровать, уроки не сделал, да и плевать на них. Ложусь, и долго не могу заснуть, думая, будет ли теперь у меня сонный паралич, есть ли кто-то ещё в моей комнате. В итоге засыпаю с мыслями, что, если кто-то и есть, пусть он выгонит пьяного друга моей матери и больше никогда не пустит его в наш дом.

Третий день.

Просыпаюсь под утро с больной головой. В наушниках играет какой-то реп, с трудом пытаюсь вспомнить, когда я его добавлял в свой плей-лист, а главное, зачем. Выключаю и резко осознаю, насколько тишина оглушающая. Подхожу к маленькому зеркалу на стене и вижу огромный синяк на поллица, кожа вокруг покраснела, да ещё и опухла. Давлю синяк пальцами и ойкаю от внезапной резкой боли. В животе урчит, вспоминаю, что в последние дни ем мало, не хватало ещё сильнее похудеть. Так и вовсе исчезнуть можно.

Прохожу на кухню и вижу на столе четверть палки колбасы. Наверное, ею мать вчера закусывала водку. Отрезаю кусок и засовываю его целиком в рот. Ощущение, будто жую резину, но всё же проглатываю и запиваю водой, чтобы смыть склизкий вкус. Решаю проведать мать. Захожу осторожно, надеясь, что её бомжеватый друг уже ушёл. Она лежит голая на кровати, сопит, на полу рядом стоят две пустые бутылки из-под водки, на тумбочке валяется горбушка хлеба в окружении роя крошек.

Сегодня пятница, значит, матери нужно идти на работу через два дня. Она работает в сигаретном киоске две недели через две по двенадцать часов. Сама не курит, говорит, что это вредит здоровью, как будто четырнадцать дней запоя не

вредят.

На одеяле замечаю два желтоватых пятна и стараюсь не задумываться, откуда они. Беру его кончиками пальцев и накидываю на мать, ведь это абсолютно ненормально – когда сын видит родителя голым. Трясу её за плечо, стараясь разбудить, но в ответ получаю только хриплое мычание.

– Мам, ма-ам, – делаю голос громче, – просыпайся! Больше нельзя пить, тебе через два дня на работу!

– Встаю, встаю, – бубнит она, но даже не размыкает глаз. Не отстаю, потому что хочу, чтобы она протрезвела и выгнала своего друга, желательно навсегда.

Обессиленно сажусь на кровать рядом и рычу от безысходности. Жизнь давно превратилась в ад. Я мечтаю закончить школу и уехать из этого города. Может даже поступлю куда-то, а если и нет, то устроюсь работать, сниму квартиру, возможно заведу кота, чёрного с белыми пятнами.

Сижу, прикрыв лицо руками, и озверело представляю, как я заработал много денег, сходил к косметологу, чтобы наконец избавиться от прыщей, ещё записался в спортзал, и вот я уже качок, красавец. Знакомлюсь с девчонками, нахожу ту самую и живу с ней до конца времён. Не умираю рано, как отец, а она не начинает пить, как мать. Вдруг вспоминаю про дневник Незнакомки. Порываюсь взять блокнот и прочитать следующий день, но останавливаю себя, думая, что самое сладкое нужно оставить на вечер. Удивительно, но сейчас у меня нет никого, кроме неё, точнее кроме плавных

букв с завитушками и узоров-ромбиков на полях.

– Андрей, а почему ты дома? Который час? – мать поднимается, садится, прислоняясь к изголовью, прикрывает грудь одеялом, как будто я её не видел – одна сиська ниже другой, и смотрит чуть в сторону острым соском. Уже почти год, как меня не трогает подобная картина, хотя, наверное, должна.

– Семь утра. Семь двадцать, – отвечаю я, кидая взгляд на экран телефона, – вот, принёс тебе.

Протягиваю стакан воды из-под крана, зная, что у неё похмелье, всё равно попросит принести попить. Она осушает мутноватую жидкость в два глотка и морщится, наверное, от головной боли.

Мать разглядывает меня, а я отворачиваюсь в сторону и чуть опускаю голову, стараясь прикрыть синяк волосами.

– Кто ж тебя так? Надеюсь, не...? – она замолкает на полуслове.

Отрицательно мотаю головой, понимая, что она имела в виду своего ухажера.

– У тебя волосы, как у твоего отца, тёмно-русые и жёсткие, – почему-то говорит мать, а мне становится противно. Тошнота подкатывает к горлу.

– Пожалуйста, не пей больше, – говорю я с мольбой в голосе, а она тянет кривую улыбку.

Покидаю квартиру, вздыхая с облегчением, запах алкоголя и пота вьелся в нос и до сих пор витает перед лицом, хотя свежий воздух понемногу растворяет его. Выхожу на улицу,

в глаза тут же ударяют солнечные лучи. Жмурюсь, в очередной раз ругая себя и весь мир за разбитые очки. Достаяю из кармана старые очки в толстой оправе, которые перестал носить из-за ухудшения зрения. В них мир нечёткий, но я уже могу отличить дерево от прохожего. В руках трепыхается пакет, в нём всего пара тетрадок и ручка. Если мои враги опять нападут, то не жалко им это добро отдать. А лучше засунуть его прямиком в их глотки.

На середине пути замечаю осколки от очков и горько усмехаюсь, намеренно наступая на стекло. Пара школьников из началки пробегает мимо, размахивая рюкзаками и громко смеясь. Думаю о том, что их ждёт в будущем, потому что я тоже несколько лет назад бегал также радостно и беззаботно, а буквально недавно хотел самоубиться.

Хлопок по спине возвращает меня в реальность. Вздрагиваю, отчётливо представляя Виктора и Белого, готовая к новым побоям щека начинает ныть.

Оборачиваюсь и не сразу узнаю пухлого Санька с растянутыми в улыбке губами.

– Особо не спешишь, – комментирует он высоким голосом, как будто специально подстраивается под женский, но я знаю, что так он говорит всегда.

– Было бы куда спешить, – усмехаюсь я и поправляю сползающие к кончику носа очки.

– Мы с Машкой и Светкой хотим сегодня прогулять.

Солнце какое, впервые за две недели вылезло, – щебечет Санёк, а я не понимаю, к чему весь этот разговор.

Киваю и отворачиваюсь, собираюсь идти дальше, но пухляш догоняет, равняется со мной и спрашивает:

– Пойдёшь с нами?

Я резко торможу и замираю как вкопанный. Снова сдвигаю очки и с недоверием оглядываю Санька, но, к удивлению, не замечаю признаков насмешки.

– С вами гулять? – спрашиваю я механическим голосом.

Тот несколько раз кивает, переминаясь с ноги на ногу. Соглашаюсь, хотя все ещё ожидаю подвоха.

Школа остаётся позади, и я чувствую, как моё скованное страхом нутро понемногу расслабляется, а в душе зарождается предвкушение чего-то весёлого. Санёк не умолкает, рассказывает, что на площадке через несколько дворов нас ждут девчонки, потом показывает новый чехол для телефона, и у меня тоже появляется желание купить что-нибудь.

Что-то кроме еды.

Он пытается вытянуть из меня информацию о моих хобби и интересах, но я говорю размыто, не хочу делиться личным. Вспоминаю про блокнот и с нежностью думаю про его мягкую обложку. Надеюсь, что она хорошо поспала, без сонных параличей и кошмаров.

Проходим по узкой тропинке между полуголых кустов и оказываемся в том самом дворе. Санёк указывает на два силуэта, сидящие на лавочке, но в старых очках я не могу их

разглядеть, пока мы не подходим поближе. Сначала я узнаю одноклассницу Машку – светло-русые кудри разлетаются на ветру и липнут к её накрашенным розовым губам. Рядом сидит Светка. Она напоминает мне девчонку из семейки Адамс. У неё такие же волосы, только короткие, еле достают до плеч. К тому же, Светка постоянно подводит глаза и рисует стрелки. Наверное, это как раз и называется «смоки-айс», хотя, может и нет. Они лужгают семечки и кидают шкурки на песок. Сослепу мне кажется, под ними ползает рой муравьёв.

Санёк говорит, что пригласил меня погулять, и я вижу удивление на их лицах, чувствую неловкость и смущение. Щёки горят, а та, что с синяком, ещё и ноет.

– Тебя Белый побил? – спрашивает Светка и перекидывает ногу на ногу.

– Мы подрались, – тихо уточняю я.

Внутри возникает раздражение – ага, вы ещё пожалейте меня.

– Надеюсь, он тоже получил, – Светка морщится, а потом хмыкает, как будто представляет побитого Белого.

– Ненавижу, когда кто-то дерётся, ненавижу агрессию, – голос Машки звонкий и разносится ветром, – будешь семечки?

Беру горсть и сажусь рядом. Неловкость остаётся, особенно, когда все замолкают, однако Санёк быстро ориентируется и предлагает пойти на стройку, полазать и попрыгать в

песок. Я никогда там не был, поэтому молчу, но девчонки быстро и радостно соглашаются, и мы отправляемся в соседний квартал.

Стройка огорожена забором, но Санёк шустро находит дыру в сетке-рабице, и мы пролезаем на территорию стройки. Видим много песка, две бетономешалки и голые три этажа с зияющими лестницами и торчащими сваями. Сначала прыгаем через провал на первом этаже, и Санёк один раз падает вниз, но с ним всё в порядке: высота небольшая, да и приземлился он в кучу белого рассыпчатого песка.

Потом Машка достаёт карты, предлагает сыграть в дурака и проигрывает первый же кон. Она смешно злится, выпячивая губы и сминая пальцами широкие джинсы светло-синего цвета. Ещё несколько конов, и нам надоедает. Я не проиграл ни разу, вероятно поэтому Машка многозначительно смотрит на Светку и говорит:

– А я тебя предупреждала, что он зубрила.

Я ничего не понимаю, поворачиваюсь к Саньку, но тот отводит взгляд. Вновь чувствую подвох, отчего по пяткам пробегают мурашки.

Если мои враги найдут меня здесь, то могут и убить. Спрячут тело так, что никогда никто не отыщет.

Если вообще кто-то станет искать.

Снова окидываю взглядом каждого, но уточнить не решаюсь. Машка уже смеётся, пощипывая Саньковы складки на

животе, а Светка протягивает мне ещё горсть семечек, и я беру их, хотя не люблю.

Спустя какое-то время мы добираемся до третьего этажа, и уже кажется, что находимся на крыше: достаточно высоко и нет потолка. Машка и Санёк уходят вниз под предлогом желания попрыгать в кучи песка, а я остаюсь сидеть на краю, свесив ноги вниз. Ветер подвывает, гуляя под курткой, осеннее солнце хоть и светит всюду, но уже не греет, да и вовсе клонится к закату. Вспоминаю о моей незнакомой подруге, которая писала о красных лучах закатного солнца, и решаю, что хочу вернуться домой и снова читать.

Внезапно подходит Светка и садится рядом на холодный бетон. В голове мелькает мысль, что она может заболеть, но тут же думаю, что меня это не волнует. Она придвигается ближе, и я чувствую тревогу, хотя не знаю, почему.

– Как тебе с нами гулять? – у неё грубоватый голос, наверное, она курит сигареты.

– Нормально, – отвечаю не глядя, и по привычке чуть склоняю голову ниже, отчего волосы падают на лоб.

– Ты молчаливый.

Не знаю, что ответить, поэтому молчу, но искоса вижу, как она кладёт свои пальцы на мои, вызывая мурашки на руке.

Перед глазами строки из дневника: она хотела показать, какие у неё мурашки от страха, но предложила поверить на слово.

Не убираю руку, хотя не уверен, что хочу продолжать так

сидеть.

– Я хочу поцеловать тебя, – выдыхает мне в ухо Светка, и я от неожиданности приоткрываю рот.

Неосознанно выдёргиваю руку и чуть отодвигаюсь в сторону, чувствуя под собой несколько мелких камешков, при этом с усилием воли поднимаю на Светку глаза и встречаюсь с недоумением на её лице.

– Прости, – мямлю и прикусываю губу, – неожиданная фраза.

Все ещё жду подвоха, тревога в животе нарастает и протягивает свои щупальца к груди.

– Мне нравятся забитые мальчики, – равнодушно произносит она, поправляя за ухом прядь чёрных волос, – моя маленькая слабость.

Начинаю осознавать, о чём говорила Машка и почему так смотрела. Не верю ни единому её слову, не верю, что могу кому-то понравиться. Будь я девчонкой, то никогда не посмотрел бы на прыщавого и тощего фрика, но Светка продолжает буравить меня взглядом, вероятно, ожидая каких-то слов.

– Ты тоже ничего, – отвечаю я и тут же мысленно даю себе леща, потому что глупее комплимента, наверное, не придумаешь.

Светка хмурится, а потом начинает громко смеяться, напоминая стаю чаек, и я понимаю, что причиной её веселья являются мои широко распахнутые глаза.

– Ничего – это пустое место, Андрюх, – сквозь смех цедит она, и мне становится стыдно.

Щеки горят, синяк ноет, солнце последними лучами слепит через очки. Улыбаюсь от вида хохочущей Светки и не замечаю, как она придвигается ко мне ближе.

Она перестаёт смеяться и наклоняется совсем близко, так, что я чувствую её тёплое дыхание на своей коже. Замираю и перестаю дышать, все ещё не понимаю, хочу ли я этот поцелуй или нет. Светка тоже замерла, и, наверное, ждёт от меня ответного шага, но я не могу.

Не могу решиться, боюсь, что, если поцелую первым, то она засмеётся и скажет, что просто решила поиздеваться. К тому же, в голове крутится образ голубого блокнота, за которым стоит загадочная Незнакомка, доверившая мне свою душу, поэтому чувствую себя предателем и изменщиком.

Светка тянется ближе.

Ближе.

Наконец, легонько касается моих губ. Потом отстраняется и заглядывает в глаза, сохраняя полуулыбку на лице.

– Что скажешь? – её голос тише, но звучит отчетливо.

– Ты сейчас как Мона Лиза, – отвечаю невпопад, думая, что это красивый комплимент, потом решаю пояснить, – твоя улыбка как у Моны Лизы.

Она хихикает, довольная моим замешательством и широко раскрытыми глазами.

– Ты такой растерянный, мне так это нравится.

В её глазах таится нечто хищное, нездоровый блеск, и я решаю уйти. Говорю ей, что она красивая, попутно отряхиваясь, прощаюсь, обещаю завтра погулять снова и быстро спускаюсь по бетонным лестницам. Краем глаза вижу, как Санёк своими толстыми ручка-колбасками гладит кудри Машки. Они сидят у стены рядом с ямой, через которую мы прыгали. Кидаю им слова прощания и протискиваюсь через дыру в заборе, цепляясь курткой за выступающую проволоку. Раньше, два года назад, мать крыла бы меня трёхэтажным матом за испорченную одежду, но сейчас может даже не заметить моего возвращения.

Домой захожу со странным ощущением восторга. Замечаю, что нет жуткого запаха, квартира проветрена, куча белья не загораживает коридор и странный аромат неиспорченной еды.

Медленно заглядываю на кухню, вижу мать в потрёпанном халате в горошек у плиты. Она поворачивается и устремляет на меня взгляд, не заплывший, как всегда, а вполне осознанный, хотя её лицо всё ещё опухшее и красное.

– Приготовила котлетки, Андрюш, – говорит она хрипло и грубо, но неожиданный уют греет моё сердце, поэтому сажусь за стол, не отрывая изумлённого взгляда от мамы.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю, а в животе ощущаю бурчание.

– Нормально, потихоньку. Нужно тебе на щеку компресс

наложить с водкой, – она замолкает, потому что я неосознанно вздрагиваю из-за ядовитого слова «водка», но потом продолжает скороговоркой, будто оправдывается, – я ею смочу вату и положу тебе на синяк ненадолго, а потом выкинем. Там, в бутылке, чуть-чуть осталось. Знаю, что я плохая мать, но пойми меня. Твой отец... он содержал семью, был опорой и защитой, а кто я без него? Ты тоже страдаешь, я же вижу, мы с тобой потеряли родного человека, и каждый переживает горе, как может.

Чувствую, как в глазах собираются слёзы, и какое-то время её слова проходят мимо, потому что сосредотачиваюсь, чтобы сдержаться и не заплакать. Мама замолкает, ставит на стол котлеты и варёную гречку. Ем быстро, почти не жую, запиваю чаем и думаю о том, что, возможно, моя жизнь наконец-то налаживается, и хорошо, что не покончил с собой тогда на мосту. Перед уходом всё-таки прошу маму больше не пить. Она кивает, слишком уверенно, так, что я ей не верю. В своей комнате переодеваюсь в домашнее, снова кутаюсь в плед и достаю блокнот, чувствуя, как радость распирает изнутри.

Сажусь на кровать, прислоняясь к стене, перелистываю до третьего дня и начинаю читать.

Здравствуй, дневник! Сегодня опять случился сонный паралич. И если ты желал мне спокойного сна, то всё зря. На секунду, в момент пробуждения, мне показалось, что я уви-

дела чёрный силуэт на кровати, но потом он пропал, оставив только липкий страх в моём сердце. Сейчас уже ночь, а я боюсь засыпать и не знаю, что делать. Рассказала матери, но та лишь махнула рукой и пробурчала, что мои страхи – сплошная выдумка. И добавила, что я достаточно взрослая, чтобы перестать заниматься глупостями. Отец поддержал её, раздражённо сказав, чтобы я к ним с этими вопросами не подходила, а потом добавил, что пора бы мне уже съехать от них и жить своей жизнью. Мне невероятно обидно и одиноко. Почему так одиноко? Не думала, что когда-то буду переживать из-за этого. Всегда считала, что смогу прожить без людей, но одиночество отравляет мысли.

Цепляюсь глазами за противоположную стену и с силой сжимаю челюсть. Я целовался с другой, а ей было так плохо! Потом чуть успокаиваюсь, вспоминая, что, возможно, у неё уже всё хорошо, ведь моё настоящее – это её прошлое. Провожу ладонью по тексту, ощущая, что бороздки стали глубже, значит, она вжимала ручку ещё сильнее, чем раньше.

Опускаю взгляд, несколько секунд рассматриваю ромбики в уголке страницы и продолжаю читать.

Ещё одна странность случилась со мной сегодня. Наверное, это смешно. В уголке глаза, в самом краешке, несколь-

ко раз я видела мелькающие чёрные тени, как будто пробежали кошки, но мой Митька сидел рядом, а большие животных в квартире нет. Подумала, что это домовый, хотя точно не знаю. Прочитала в интернете, что уголком глаза мы можем увидеть потусторонний мир, и теперь боюсь смотреть. Боюсь увидеть нечто жуткое и не понимаю, что со мной происходит. Я не готова. Страшно.

К тому же, уже который день я ощущаю дежавю. Это когда кажется, что происходящее уже было раньше. Но если до этого я испытывала в жизни такое пару раз, то сегодня дежавю со мной случалось постоянно. Правильнее сказать, оно вовсе не заканчивалось.

Вечером я выгуливала кота, и мне показалось, что наш сосед следит за мной. Он постоянно оборачивался на меня, а потом ещё несколько раз выглядывал из-за угла. Не помню, как добралась до квартиры, как заскочила домой и спряталась в своей комнате.

Он мог догнать меня и убить. Прозвучит смешно, но я думала только о том, что Митька от страха убежит, а родители даже не станут его искать. Он умрёт голодной смертью, или его разорвут собаки, поэтому я схватила его и побежала. Как могла быстро вернулась в квартиру, укуталась пледом, не выпуская Митьку из рук. Сердце до сих пор колотится как бешеное. Сегодня сплю со светом, а завтра отпущусь, помогло или нет.

Перечитываю несколько раз и чувствую, что ладони вспотели. Закрываю блокнот, прячу его, а потом ещё долго сижу на кровати, уставившись в одну точку. Я знаю, что такое дежавю, испытывал его пару раз, но никогда не придавал слишком большого значения.

В голове всплывают истории про маньяков, что выслеживают девушек, насилуют, а потом убивают. Сначала решаю, что впереди ещё семь дней, значит её никто не убил. Потом думаю, что сосед мог напасть, но она сбежала. Усилием воли заставляю себя выкинуть эти мысли из головы, потому что не слышал новостей о новом маньяке у нас в городе. Хотя, возможно, она не стала заявлять в полицию.

Тут же задумываюсь о том, что не знаю её имени, и решаю называть её Незнакомка. Размышляю, как она может выглядеть: светленькая или тёмненькая, а может, и вовсе рыжая, худенькая или полная, высокая или низкая. Кручу в голове слово «незнакомка». Оно придаёт таинственности созданному мною образу, решаю представить её как стройную девушку в вечернем платье и шляпе, хотя отдаю себе отчёт, что образ абсолютно нелепый. Ведь моя Незнакомка живёт в нашем веке и навряд ли носит шляпу с платьем. Скорее всего, она моя ровесница или немного старше. Украдкой думаю, что хотел бы поцеловать Незнакомку, даже если она окажется старше меня на пять лет. Да хоть на десять. Это неважно. Вот Светка старше меня всего лишь на год, но я больше не хочу её видеть. Смущаюсь или не испытываю к ней тяги, не

знаю, просто не хочу.

Ложусь спать без компресса и без наушников, наслаждаюсь тишиной и засыпаю с приятным чувством, что завтра никуда не надо идти, что могу спать хоть до обеда.

Четвёртый день.

Долго стою перед маленьким зеркалом и рассматриваю новые прыщи. Один над губой, два под носом и один на щеке. Все красные и набухшие, и только тот, что над губой уже с белой головкой. Начинаю давить, кожа вокруг немеет, неприятно зудит, а потом наливается острой болью. Из глаз уже текут слёзы, но я продолжаю сдавливать его двумя пальцами, и наконец слышу долгожданный треск. Щёлкает дважды, а потом белое содержимое прорывается наружу и выстреливает прямо на стекло. Слюнявлю указательный палец и смазываю открывшуюся ранку, дальше вытираю краем рукава белые капельки на стекле.

Сейчас час дня, я совсем недавно проснулся. Лицо отекло, во рту сухость и вкус протухшей колбасы, одну ноздрю заложило, правая нога только что отошла от онемения. Спал долго, глубоко.

Наверное, даже слишком долго, но как я мог проснуться? Там, во сне, я видел её, точнее лишь образ, но я точно знал, что это она. Девушка трепыхалась, как рябь на воде, то растворяясь в пространстве, то вновь возникая из воздуха. В руках она сжимала голубой блокнот и улыбалась. Я помню очертание её изящных бровей, её скул. Она приблизилась ко мне медленно и мягко поцеловала, коснулась губ, и я ощутил

слабое дыхание на коже. Потом проснулся и ещё долго не открывал глаза, чтобы продлить сладкое чувство, щекотание крыльев бабочек о мои ребра.

Иду в душ, моюсь долго, не жалея горячей воды, стою и поливаю свою грудь потоками, а сам пребываю мыслями во сне. Вдруг резко вспоминаю вчерашний день и будто наяву вижу Светку, которая слишком близко, а потому судорожно вздрагиваю, и образ пропадает.

Мама на кухне, сидит за столом и читает какую-то старую книгу. Некоторое время стою в проходе, тихо и неподвижно, боясь, что от шума она вскочит и выпьет залпом бутылку водки. Потом сажусь напротив и вижу её приветливую улыбку, хотя лицо отёкшее и под глазами яркие и глубокие синяки или уже мешки, но когда она улыбается, то кажется невероятно красивой.

– Что читаешь? – спрашиваю и немного приподнимаюсь, заглядывая в книгу.

– «Унесённые ветром». В молодости ещё читала, очень любила этот роман. Какая здесь Мелани, добрая, настоящая леди, – мама улыбается шире и захлопывает книгу, – сейчас я тебе яичницу сделаю.

– А про что она? – хочу продолжить беседу, понимаю, как сильно мне не хватает нашего общения.

Мама начинает готовить, и некоторое время молчит.

– Ну, про девушку – Скарлетт, – говорит она, а я прислушиваюсь, потому что шипение масла перебивает тихий голос, – её любили все мужчины вокруг, а она хотела того, который был недоступен.

– А в конце что? – вожу пальцем по скатерти и представляю, как могла бы выглядеть эта Скарлетт.

– Получила его, но поняла, что не любит, – отвечает мама, ставя передо мной тарелку с яичницей и кусочком хлеба, – зато у неё появился другой, который бегал-бегал за ней, а потом отверг, – мама смотрит на меня и хихикает, – тогда Скарлетт поняла, что любит этого второго.

– Эта героиня... Она хотела то, что не может получить, а когда получала, то теряла интерес? – делаю вывод и дую на горячий желток.

– Да, именно, – мама кивает и кладёт кусочек яйца в рот, словно он совсем её не обжигает, – а вот Мелани, она была настоящей леди, и всю жизнь любила Скарлетт, как сестру. Хотя та пыталась увести её мужа.

– Жуть, – констатирую я и наконец начинаю есть.

Яичница вкусная, в меру солёная и перчёная, поэтому доедаю быстро. Перекидываемся ещё парой фраз, потом мама рассказывает, что хочет сегодня увидаться с подругами и аккуратно добавляет, что они пойдут в кофейню. Понимаю, мама переживает за мою реакцию. Хочется верить, что она сама не жаждет выпивки, что понимает, насколько водка губит её жизнь.

Её и мою.

– Я, наверное, дома побуду, – отвечаю на вопрос мамы, чем собираюсь заниматься.

– А друзья?

– Хочу сегодня дома посидеть, может почитаю про Скарлетт.

Мама смеётся и говорит, что лучше читать про Мелани, но почему-то после её рассказа меня не привлекает настоящая леди. А вот загадочная охотница – очень даже.

Спустя несколько часов моего бездумного сидения за компьютером раздаётся телефонный звонок. С третьего раза нехотя надавливаю на кнопку ответа. Когда-то был у меня телефон современный, сенсорный, с большим экраном, но почти год назад я его случайно разбил, и пришлось купить самый дешёвый – кнопочный.

Звонит Санёк, зовёт меня гулять. Отвечаю, что спрошу у мамы и перезвоню. Потом сижу и пялю в стену, раздумывая, хочу ли я встречаться с ними или нет. Санёк и Машка меня не волнуют, но вот Светка вводит в ступор. Она странная и опасная. Пришла мысль в голову, что, возможно, Светка страдает какой-то психиатрической болезнью. Слишком уж она хищная. Этот взгляд, у меня до сих от него мурашки по коже. Однако, с другой стороны, неожиданно думаю, что Светка похожа на Скарлетт. Гоню эту мысль прочь.

Через время перезваниваю пухляшу и соглашаюсь на прогулку, потому что надеюсь, что отец Санька сможет припуг-

нуть моих врагов, чтобы те отстали.

Собираюсь тщательно, почему-то хочу выглядеть хорошо, сам не понимаю, зачем. Надеваю лучшие джинсы серого цвета, рубашку тёмно-синюю, верх расстёгиваю на несколько пуговиц, не заправляю, достаю ботинки и обуваю вместо кроссовок, накидываю лёгкую куртку, жаль, она единственная, но я закатываю рукава, и вроде бы неплохо. Расчёсываю волосы, укладывая их назад, видел, что так многие делают. Потом прощаюсь с мамой и вновь удивляюсь, какая она красивая, когда не пьёт. Перед выходом надеваю старенькие очки с толстой оправой. Злюсь, когда вспоминаю звук трескающегося стекла и ботинок моего недруга. Встряхиваю головой, отгоняя мысли, не хочу портить настроение.

Санёк, как обычно, на позитиве, сначала вспоминает, как классно вчера погуляли, потом заговорщически улыбается и неожиданно спрашивает, вгоняя меня в краску:

– Чем вы вчера со Светкой занимались вдвоём?

– Общались, – отвечаю я и не вру, лишь не договариваю.

– И всё?

Чувствую волну раздражения и желаю Саньку придержать свои вопросы при себе, но вслух отвечаю:

– Ага, просто общались.

Пухляш усмехается и кивает, но я вижу, что он мне не верит.

– Куда пойдём? – перевожу тему, и дышу чуть глубже, стараясь согнать румянец с лица, благо, синяк прикрывает сво-

ей желтизной залитую краской щеку.

– Маша предложила сходить в лабиринт в парке. Сейчас их заберём и пойдём, они во дворе нас ждут, – отвечает он и долго всматривается вперёд, щуря глаза.

Солнце уже второй день светит вовсю, смягчая холодный ноябрьский ветер. Земля под ногами сухая, жёлтые листья порхают из стороны в сторону, пока дворники упорно гоняются за ними с мётлами. Замечаю на лавочке чёрную кошку с белым пятнышком, она растянулась пузом вверх и греется под солнечными лучами. Сразу в голове всплывает голубой дневник и следом смутный образ Незнакомки, а потом её дыхание на моих губах.

Санёк что-то говорит, но я пропускаю это мимо ушей, зная, что ничего интересного не услышу.

– ... Виктор и Белый... – имена прорезают мои фантазии, заставляя вздрогнуть.

– Что? – переспрашиваю, и слышу свой чуть хриплый голос.

– Говорю, что не понимаю, почему к тебе пристали Виктор и Белый, – повторяет он и оборачивается ко мне.

– Я не знаю, – отвечаю честно, – спрашивал, но они говорят, что я их своим существованием обижаю.

Санёк неприкрыто хохочет, трёт глаза руками, достаёт из кармана конфету и засовывает в рот, освободив от обёртки. Потом видит мой взгляд и тут же перестаёт смеяться.

– Хотел конфету? Прости, у меня только одна была.

Я отрицательно мотаю головой.

– Не пойму, что смешного, – говорю, стараясь сделать голос равнодушным, но получается обиженный.

– Да ничего, – отмахивается Санёк, не замечая моего недовольства, – я немного увлекаюсь психологией, а недавно узнал, что Виктора отец бьёт, а мать умерла, когда тот ещё совсем маленьким был. Я подумал, что у него психотравма, и он так гнев свой вымещает на тебе.

– Интересно, – задумчиво тяну я, увлѣкшись внезапным поворотом беседы, забыв на время о фантазиях, – а что насчёт Белого?

– Тоже есть кое-что, – Санек достаёт вторую конфету, потом смотрит на меня виновато, но я качаю головой, показывая, что не хочу, и он довольно запихивает её в рот целиком. Не дожевав, продолжает, – У Белого вроде бы диагноз стоит... ну... умственная отсталость, лёгкая.

Я ширю глаза, а потом ржу как конь, Санёк заходится следом, и мы останавливаемся ненадолго.

– Вообще, по нему заметно, – выдавливаю я сквозь смех.

– Мне их жаль, – говорит пухляш, вытирая выступившие от хохота слёзы, – у них судьбы тяжелые.

– А у нас не тяжёлые? – вспыхиваю, резко прекращая веселье.

Хочу вывалить на него разом все события, что живут

внутри и тянут, но вместо этого только повторяю, – у нас не тяжёлые? Мне их не жаль. Я их ненавижу!

– Твоя правда, – Санек говорит уже тихо, и я тут же успокаиваюсь, – у каждого своя правда. О, – он тычет пальцем в сторону, – а вон девчонки.

Машка упёрлась глазами в телефон, а Светка уставилась куда-то вдаль, и, кажется, смотрит сквозь нас.

Мы подходим ближе, и Санёк приветственно машет рукой, выкрикивая их имена.

Пока мы идём, Машка воодушевлённо рассказывает про каких-то певцов, я их не знаю. Она включает песню, но кроме мата в ней очень мало слов, и я стараюсь не вслушиваться, искоса поглядываю на Светку. Та смотрит вперёд и будто намеренно скрывает лицо чёрными прядями. Она, как и вчера, подвела глаза, но я заметил, что губы накрасила ярко-малиновым. Вспоминаю, что, если девушка красит губы, значит, не собирается целоваться, и почему-то облегчённо выдыхаю.

Вначале месяца в нашем маленьком парке, который находится почти в центре города, установили лабиринт из зелёного кустарника. Вход туда бесплатный – предвыборная кампания одного из кандидатов в губернаторы. На площади много людей, в основном, семьи с детьми. Стоят шатры со сладостями и игрушками. Вдалеке замечаю тир и думаю, что хотел бы сходить пострелять. Перед лабиринтом охватывает волнение, смотрю на Санька, потом на Светку и Машку, они

улыбаются и устремляют взгляды ко входу.

– Я придумала игру, – говорит Машка. Она держит Санька за руку, и я на сто процентов убеждаюсь, что они встречаются, – там после входа перекрёсток, предлагаю разделиться по парам и посоревноваться: кто приходит последним ко второму выходу, покупает всем сахарную вату. Что думаете? Свет?

Я медлю и не решаюсь согласиться, потому что, если проиграю, платить будет нечем. Собираюсь отказаться, как вдруг Светка берёт меня за руку и говорит, что «мы согласны».

Мы?

Она тянет меня внутрь, и только, когда поворачиваем направо, осознаю, что никак не могу проиграть. У меня нет денег на сахарную вату, и я не хочу выглядеть хуже Санька. Хочу, чтобы Светка увидела во мне мужчину, а не сопляка.

Ещё неожиданно осознаю, что теперь я с ней наедине. В лабиринте никого, мы идём в тишине, а она до сих пор сжимает мою руку.

– У тебя прыщ над губой, – беззаботно произносит Светка, а мои уши начинают гореть от смущения.

Неловко поправляю очки, сдвигая их вверх по переносице, но они тут же сползают обратно на середину носа.

– А у тебя помада, – выдаю в ответ и прикусываю внутреннюю сторону щеки, понимая к чему идёт разговор.

– Ни то, ни другое ничему не мешает, – её уголки губ тя-

нутся вверх, хотя взгляд всё ещё устремлён вперёд.

Предлагаю повернуть, примерно представляя, как должен быть устроен лабиринт. Сворачиваем несколько раз то влево, то вправо, и снова идём прямо.

– Я сто раз гуляла по этому лабиринту, знаю, как быстро найти выход, – Светка останавливается и встаёт напротив меня.

Сглатываю вязкую слюну, чувствую, как потеют ладони, отчего смущаюсь ещё сильнее.

– А ещё я знаю одно укромное местечко, – она продолжает, чуть приподнимаясь на носочках и оказываясь наравне со мной, – идём, Андрюх?

Моё имя из её уст звучит полушёпотом, но первое желание – убежать отсюда. Останавливаю себя и киваю, глупо думая, что она поведёт к выходу. В голове проскакивают мысли об отсутствии денег, о нежелании целоваться со Светкой и о плавном почерке, вдавленном в листы голубого блокнота.

Через несколько поворотов оказываемся в тупике, и Светка тянет меня сквозь кусты в узкое пространство между двумя стенами лабиринта. Она поворачивается ко мне и проводит тыльной стороной ладони по синяку.

– Болит?

Не успеваю даже открыть рот для ответа, как она перебивает:

– Скажи «да».

Я неуверенно говорю «да», и она прикусывает нижнюю

губу, не переставая улыбаться.

– Было плохо, когда они били тебя? – вновь спрашивает Светка и с силой прижимается ко мне.

Вскидываю брови и чувствую нарастающую тревогу внутри. Она повторяет вопрос и целует меня в щёку около губ, еле касаясь. Только сейчас замечаю, что вцепился в её плечи и сам подаюсь вперед.

– Плохо? Да, наверное, – слышу свой хриловатый шёпот.

В животе нарастает тревога, и я начинаю ощущать биение своего сердца.

Светка чуть жмурится и целует меня в губы, параллельно проводит кончиками пальцев от шеи по груди вниз. Неумело отвечаю, двигая губами невпопад и стараюсь пускать как можно меньше слюней. Медленно изнутри к горлу подкатывает тошнота, и я чуть отстраняюсь. На секунду кажется, что передо мной губы Незнакомки, но видение пропадает, тошнота усиливается, когда взгляд цепляется за чёрные пряди волос Светки.

Внезапно чувствую что-то холодное на предплечье, опускаю взгляд и вижу серое лезвие.

– Только не бойся, это просто игра, – торопливо говорит Светка, когда я испуганно отшатываюсь назад.

Глухие удары сердца отдаются в животе, конечности холодеют, а дыхание резко учащается.

– Ты нормальная вообще? – тарашусь на небольшой ножичек у неё в руках и делаю ещё один осторожный шаг назад.

– Погоди, я не сумасшедшая, просто доверься, это приятно, – Светка улыбается, говорит мягко и вкрадчиво, подходит ближе, но я выставляю руки вперед.

– Слушай, давай не будем ничего делать, – слышу, как голос дрожит и прерывается хрипом, когда сглатываю слюну.

Она тянет ко мне руку и, прежде чем я успеваю опомниться, крепко цепляет запястье. Я дёргаюсь, но она уже стоит совсем близко и, улыбаясь, вновь проводит лезвием по предплечью.

– Я не причиню тебе боли, – её шёпот поднимает волну паники, – и тем более не убью тебя, не бойся.

Дышу прерывисто и понимаю, что нужно бежать, но боюсь делать резкие движения. Светка надавливает лезвие, и острая боль распространяется по руке. Бросаю взгляд вниз и вижу, что с пальцев капает кровь, а она ведёт лезвие немного вверх, увеличивая порез.

– Тебе больно?

Я киваю, а она возмущённо кривит губы и сводит брови к переносице. Потом поднимает мою руку и начинает слизывать струйки крови, параллельно мягко целуя кожу вокруг раны. Пользуюсь её увлечённостью и бросаюсь резко в сторону. Пока она в смятении, пробираюсь через кусты и несусь по лабиринту, поворачивая в хаотичном порядке, надеясь, что случайно найду выход. По дороге чуть не сбиваю пару: мужчина с бородой держит под руку низкую стройную женщину в нелепой шапочке. Она кидает мне вслед визгливое

оскорбление, но я не останавливаюсь.

Слышу вдалеке крик Светки. Она жалобно зовёт меня по имени, но паника разрывает мои лёгкие, дышу прерывисто и глубоко, мало что вижу из-за запотевших очков.

Возникает очередной проход, сворачиваю и оказываюсь на противоположной стороне лабиринта.

– Андрюха! С тебя вата! – кричит Машка, но я лишь озверело расширяю глаза, чуть замедляюсь и несколько раз открываю и закрываю рот.

Вспоминаю про Светку и её маленький ножичек, снова срываюсь с места и бегу в сторону дома.

Сзади, уже вдалеке, раздаётся приглушённый голос Санька, но я не останавливаюсь, стаскиваю очки и пытаюсь протереть стекла краем куртки, надеваю, видно всё равно плохо, но решаю добраться так. Ветер треплет волосы, во рту пересохло, а грудь болит от глубоких вдохов.

Залетаю в подъезд, спотыкаюсь и соскальзываю по ступенькам, ударяясь коленями. Слышу стук двери, в голове сразу – Светка. С ножом и хищным взглядом. Вскарabкиваюсь, невзирая на боль от ушиба, и несусь вверх. Дверь, как всегда, не заперта, поэтому заскакиваю в квартиру и защёлкиваю за собой замок.

Сначала стою, привалившись к двери, и с силой тру лицо, игнорируя ноющий синяк, потом смотрю на руки, по которым размазалась моя кровь. Скидываю ботинки и иду в ванну, где под холодной водой пытаюсь очиститься от липких

красных пятен. В полубессознательном состоянии заваливаясь в свою комнату и падаю на кровать, утыкаясь лицом в подушку. Чувствую, как из глаз потоками вырываются слёзы. Всхлипываю, обнимаю себя руками и прижимаю колени к груди.

Сколько так лежу – не знаю, может, пару минут, а, может, несколько часов. Мысли скачут в голове как ненормальные, переплетаются между собой, и я перестаю понимать, почему убежал. Сначала думал, что боялся за свою жизнь, но память искривляется, подменяет чувства. Думаю, что не хотел с ней близости. Интересно, а если бы Незнакомка решила порезать мне руку, стал бы убегать? Решаю, что не стал бы. Вспоминаю Скарлетт, сравниваю себя с ней, я тоже хочу недоступное, ведь на Светку мне плевать, а Незнакомка как луна в самую тёмную ночь – прекрасная и такая далёкая.

Не замечаю, как сижу за компьютером и читаю про сонные параличи и дежавю. Приходит ощущение, что уже сидел вот так и читал, на секунду думаю, что схожу с ума, но потом решаю включить фильм и забываюсь. Смотрю комедию, особо не вдумываясь в смысл, временами рана на руке ноет, напоминая о себе и о Светке. Она точно больна, и больше я никуда с ними не пойду.

Закатные лучи красного солнца пробиваются сквозь занавески и слепят глаза, но я не отрываю взгляда, наслаждаясь мягким жжением. Потом навожу себе чай, параллельно угадывая, когда вернётся мама, и надеюсь, что она действительно-

но пьёт кофе с подругами.

Хожу туда-сюда по комнате, иногда рассматриваю рану, и неожиданно думаю, что, возможно, мне и понравилось бы, только если бы это была не Светка.

Пью чай, оттягивая время, наслаждаясь волнительным ожиданием перед прочтением нового дня. Спустя полчаса слышу, как открывается дверь, и молюсь.

– Андрей, я дома! – голос мамы ровный, чуть хриплый, но трезвый.

Облегчённо выдыхаю, кричу «привет!» и, наконец, достаю голубой блокнот. Мну пальцами мягкую обложку, укутываюсь пледом и заползаю на кровать, устраиваясь поудобнее. Открываю, медленно перелистываю, иногда задерживаясь на словах. Перечитываю некоторые фразы, представляю, как она говорит теми губами, что видел во сне. Внутри всё замирает и тут же взрывается искрами, которые становятся пёрышками и щекочут мне живот, рёбра и даже горло. Покусываю губы, пролистываю до четвёртого дня, глажу страницу, вожу кончиками пальцев по красивым завиткам. Её нажим ещё сильнее, вижу первое слово, и улыбка исчезает с моих губ. Начинаю читать.

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу их всех! Каждого конченого ублюдка в этом мире! Ненавижу! Я так зла, ужас-

но зла, невыносимо зла! И мне так плохо! Проснулась среди ночи в темноте. Не одна.

В углу увидела чёрный силуэт. Он стоял прямо около выключателя. Дрожащей рукой нащупала телефон, не отводя взгляда от фигуры, кое-как включила фонарик. Они даже не представляют, какой ужас я испытала! Посветила, там никого, перевела взгляд, а фигура уже в другом углу и ближе ко мне. Не чувствуя ног, вскочила и ринулась к выключателю. Когда загорелся свет, в комнате никого не оказалось. Я так и просидела до утра, дрожа под одеялом, не смея даже моргнуть. Я рыдала, сдерживая всхлипы, молилась, но чувство, что за мной следят, так и не проходило.

Уснула с рассветом, мать разбудила в девять утра, накричала, что я не экономлю электричество, отец обругал меня душой. В отчаянии позвонила нескольким подругам, и только одна согласилась погулять. Моим рассказам не поверила, посмеялась. Она убеждена, что это лишь фантазия, но как можно не верить собственным глазам?! Дальше – больше.

Вечером, погуляв с котом, я услышала шёпот, он неразборчивый, но настоящий. Потом прошёл, и я решила никому больше ничего не говорить.

Снова оставила свет, фонарь положила под подушку, телефон рядом. Секунду назад снова слышала шёпот, разобрала только: «Ты должна проснуться». Не знаю, что это значит, но планирую поискать в интернете. Завтра напишу,

что нашла.

Перечитываю четвёртый день несколько раз, ощущаю мурашки, ползущие по спине, и злость от несправедливости.

– Я бы поддержал тебя, – говорю вслух шёпотом, обращаясь через дневник к Незнакомке, – я был бы рядом.

Нюхаю страницы, и слышу аромат корицы. Вдыхаю с жадностью, трюсь щекой об исписанные листочки, утыкаюсь лицом в разворот блокнота. Потом закрываю его, прижимаю к груди и ещё долго сижу так, негодуя от поведения её родителей. С неохотой кладу блокнот обратно, несколько минут болтаю с мамой, слушаю сплетни про её подруг, кто развёлся, кто забеременел, кто потолстел. Желаю ей доброй ночи, и сам ложусь спать.

Вспоминаю губы Незнакомки и провожу пальцем по свежей ране на предплечье. Нутро заполняется сладким тянущим чувством. Не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Пятый день.

Просыпаюсь резко, вскакиваю на кровати и несколько минут пытаюсь отдышаться. Я видел её губы, они отчётливо шептали, что нужно просыпаться, а ещё руки. Незнакомка тянула ко мне свои руки, тонкие, худые, с выпирающими костяшками и длинными пальцами. Я стремился к ней навстречу, тянулся, хотел бежать, но она только отдалялась, словно что-то утягивало её подальше от меня. Теперь сижу под одеялом, обхватив колени, и вспоминаю её ломаные изгибы запястья, плавные движения губ и мелодичный шёпот. Хочу прочесть дневник залпом и узнать, кто она, а потом прийти к ней и с порога сжать в объятьях, сказать, что теперь всё будет хорошо, что я принимаю её такой и буду защищать.

Сползаю с кровати, подхожу к окну, но блокнот не беру, а вместо этого гипнотизирую серое небо, мрачную землю и угрюмых прохожих, которые согнулись и бредут по своим делам, прячась от мира под чёрными зонтами. Несколько раз зеваю, потом рассматриваю в зеркало лицо: синяк пожелтел, прыщи немного поутихли в своей красноте, ссадины почти зажили.

Иду на кухню, мама вновь читает, сидя за столом у окна. Предлагает мне оладушки со сметаной, и я с удовольствием ем. Она не упоминает алкоголь, чему я несказанно рад, но

тревога не уходит, боюсь, что стоит мне расслабиться на секунду, и мама снова напьётся, а ведь завтра ей на работу. Бросаю взгляд в сторону и цепляюсь за кружку отца: серая с тремя белыми ромашками, изогнутой белой ручкой, облепленная пылью, стоит в самом углу на полке, чуть прикрыта двумя пустыми банками. Стискиваю зубы, чтобы не дать волю вскипающим эмоциям. Мама замечает мой взгляд и останавливается на знакомой кружке. Вижу, что её глаза наливаются слезами, стараюсь отвлечься, думая о блокноте, конфетах, о тонких пальцах и шепчущих губах, прячу руки под стол и веду пальцем по предплечью, нащупывая рану, которая покрылась тонкой корочкой. Тревога отступает медленно, сползает из груди в живот, оттуда по голеним в пятки и рассыпается по полу.

– Твой отец любил оладушки, – говорит мама, промокая глаза полотенцем, – я ему их перед работой готовила, а с собой бутерброды делала. Он только чай пил, кофе не любил.

– Я помню, мам, – отвечаю нетерпеливо, не желая вновь предаваться горю.

Она понимающе замолкает, но надолго задерживается на серой кружке с ненавистными мне цветами.

Следующие несколько часов смотрю детектив у себя в комнате. Убийца оказывается шизофреником, которого преследовали голоса, твердящие, что нужно убивать. Внезапно понимаю, что Незнакомка тоже писала про шёпот, который

она слышит, и в голову закрадывается неприятная мысль. Но я ведь не раз слышал истории о призраках, даже от знакомых, и теперь начинаю сомневаться, прав ли я в своём неверии. Ищу в интернете истории о потустороннем, потом читаю статьи и рассказы очевидцев. Интересно, а папа рядом со мной? Может, он стал моим ангелом и послал мне Незнакомку, чтобы я не чувствовал себя одиноко?

Слышу звуки пылесоса. Радуюсь, что мама занимается домом, но вспоминаю, что так будет лишь две недели, а потом ещё столько же в запое. Решаю наслаждаться моментом, здесь и сейчас.

Снова смотрю в окно. Моросит дождь, покрывая каплями стекло, а из приоткрытой форточки сочится холодный воздух, заполняя комнату ароматами поздней осени: свежесть, жёлтая подгнившая листва и влажный асфальт.

Уже полдня названивает Санёк, но я не беру трубку, только бросаю косые взгляды на экран и выключаю звук. Один раз почти решаюсь ответить, подумав, что завтра в школу, там мои враги, а его отец мог бы помочь, но передумываю.

Зачем я ему? Не станет он защищать незнакомца.

Отбрасываю телефон на кровать, несколько минут мечусь по комнате, не зная, чем заняться. Уроки делать не хочу, смотреть фильмы тоже, да и читать не готов ничего, кроме голубого блокнота. Мать заглядывает ко мне в комнату без стука, отчего я вздрагиваю и прячу руки за спиной.

– Андрюш, мне Олег звонил, хочет увидеться...

– Нет! – рывкаю, не позволяя ей договорить.

– Я его не пригласила к нам, конечно, – торопливо объясняет она, – просто на улице поговорим, и он уйдёт.

Несколько раз с остервенением приглаживаю волосы к затылку, дышу поверхностно и часто, а челюсть уже сводит от напряжения.

– Мам, пожалуйста, не надо, – молю я, теряя весь запал за секунду, когда вижу безумную улыбку на её лице. Она всё равно пойдёт, плевать ей на мои чувства.

– Не волнуйся, Андрюш, я быстро, – улыбка ширится, а в глазах сверкает странный блик, внушая мне тревогу вперемишку со страхом.

Не успеваю возразить, как она захлопывает дверь, а я несколько раз бью кулаком в стену от бессилия. Олег – это мамин бомжеватый друг, с которым она часто выпивает. Я с ним не общаюсь и вообще стараюсь не пересекаться, но временами вспоминаю его мутный взгляд и кривую улыбку, как будто он издевается надо мной, спаивая мою мать.

Навожу чай, пью, но тревога снова нарастает и вертится в животе, крутит кишки и желудок, ускоряет сердцебиение.

Он приходит. Стоит без зонта, серая борода промокла, жидкие волосы на голове висят сосульками, огромная куртка, усеянная жирными пятнами, местами порвана, дырявые ботинки, которые он не удосужился даже застегнуть, чёрные штаны, сползающие с его тощего зада под силой притяжения, потому что ширинка нараспашку, да и держаться им не за

что. Мать выбегает в тапочках и наспех запахнутой куртке, ноги голые, на голове капюшон, который под очередным порывом ветра слетает, и теперь её волосы покрываются мелкими дождевыми каплями.

Протираю толстые стёкла очков, щурюсь, чтобы лучше разглядеть, но капли на окне мешают. Вижу, что Олег взмахивает руками, но вроде скалится в улыбке, мать просто стоит, наверное, слушает. Внезапно она кидается к нему в объятия, а меня резко начинает тошнить. Бегу в туалет и вырываю всё содержимое наружу. Вижу, как в унитазе плавают куски оладушков, окутанные вязкой желтоватой слизью. От запаха отрыгиваю ещё несколько склизких кусков, полощу рот и, зажимая дрожащей рукой живот, плетусь обратно на кухню. Они всё ещё стоят, слишком близко, морщусь от спазмов, икаю, пью воду и снова смотрю.

В один момент мать резко толкает его в грудь и отскакивает назад. Олег пошатывается, снова скалится, а потом тыльной стороной руки бьёт её по лицу. Она падает и хватается за щёку, ползёт назад, выставляя руку вперёд, желая защититься. Несколько прохожих под зонтами разворачиваются на месте и спешат в другую сторону, вероятно, боясь попасть под раздачу. Я замираю, голова пустая, только стук сердца взрывает сгустившуюся вокруг меня тишину. Олег подходит ближе, жестикулирует и вновь, теперь уже кулаком, бьёт мою мать.

Я срываюсь с места и несусь на улицу, не одеваюсь, не обу-

ваюсь, выскакиваю в носках, футболке и потрёпанных штанах, ледяной ветер врывается в лицо, жмурюсь от мороси, но продолжаю идти к размытым фигурам.

– Олег, сволочь! – кричу не своим голосом, – я полицию вызвал!

Слышу грубый смех, протираю очки и вижу, что тот хочет, знает, что я лгу. Дёргается ко мне, но я отскакиваю и поскользываюсь, падаю навзничь и ползу. Он нависает надо мной и замахивается, чтобы ударить так же, как маму, но я внезапно нащупываю рукой железный прут и, не думая, всаживаю его ему в бедро. Олег отшатывается и хватается за ногу, я же кое-как поднимаюсь, подтаскиваю маму и, придерживая за её за трясущиеся плечи, веду к подъезду.

Сзади раздаётся рычание, поэтому ускоряюсь, толкаю маму в подъезд и, прежде чем Олег откинет меня назад, захлопываю дверь.

– Ах ты, щенок! – раздражается он басом, а я снова валяюсь на асфальте, одна рука погружена в лужу, и между пальцев проскальзывают мелкие камушки с песком, – какое право ты имеешь вмешиваться? Не твоё дело, сволочёныш! Шлюхино отродье!

Молюсь, что мама догадается реально вызвать полицию, но внезапно слышу из окна её дрожащий голос.

– Олеженька, не трогай сына. Я все отдам, как договаривались. Ты можешь приходить сюда, когда угодно, только не бей его!

Выдох застревает у меня в горле, и я в отчаянье хватаюсь за шею. Его хохот звучит эхом у меня в голове, не слышу, о чём они ещё говорят, кое-как поднимаюсь, оглядываюсь, но ничего не вижу, серость размывается пятнами, образы смешиваются и наслаиваются друг на друга. Кашляю и вдыхаю со свистом, понимаю, что очки уже не на мне, озираюсь, падаю на четвереньки и шарю по лужам в поисках так нужных мне сейчас стёкол.

Хлопок подъездной двери – она его впустила. Бью грязную воду ладонями и сдавленно мычу. Очки оказались на ступеньке перед подъездом, чудом уцелели, поэтому протираю их краем футболки и цепляю на нос. Тело дрожит от холода, но я не иду домой, а бреду по грязи, топя носки в мутной землистой воде. Через пятнадцать минут дёргаю шершавую ручку и вваливаюсь в отделение, резко осознавая, насколько сильно замёрз. Тут же ко мне подсакивают двое в форме, и сперва что-то кричат, но я бубню одни и те же слова, пяля взглядом в плитку под ногами, которая словно усыпала шоколадной крошкой.

– Он напал на мать, я её защищал, но теперь он дома, он может её убить, помогите, – язык плохо ворочается от холода, пальцы не сгибаются, и я прячу их в подмышки, содрогаясь всем телом.

Полицейские ведут меня в кабинет несмотря на то, что я умоляю их отправиться ко мне домой. Говорят, что нужно написать заявление, и только потом они поедут по адресу.

Сажу на чёрном стуле, ноги дёргаются, не могу остановить это. Пишу корявым почерком слова под диктовку, а с волос на бумагу падают бурые капли и размывают чернила. Диктует полная женщина с мягким вкрадчивым голосом, временами жалостливо вздыхая, наверное, из-за моего жалкого вида.

– Это он тебя порезал? – спрашивает она, а я резко скидываю руку со стола, хотя прятать уже бессмысленно.

– Нет, я сам, – бормочу и добавляю, – случайно.

Пишу дальше, не вдумываясь, ставлю дату и подпись, а после они меня отпускают, когда я их уверяю, что доберусь сам. Не понимаю, почему отказался ехать с полицейскими, но плетусь к дому, не замечая, как носки черпают грязную воду, а ветер обдувает мокрую одежду и волосы. У подъезда вижу размытые следы крови, снова тошнит, но сдерживаюсь, зажимая ладонью рот. Кто-то открывает дверь, и я прошмыгиваю в подъезд, но домой идти не решаюсь, сажусь на ступени и начинаю рыдать. Всклипываю, дыхание прерывается, сбивается, в груди тянет, заставляя вырывать отчаяние со стонами и криками.

Сажу так долго, что ноги затекают, а потом начинают гудеть и покалывать при каждом движении. Слышу разговоры за подъездной дверью, понимаю, что полицейские пришли, поэтому кидаюсь к двери, впускаю их внутрь, испугавшись, что секунда промедления, и они могут опоздать.

– Квартира? – сухо спрашивает один из полицейских.

– Пять, – быстро отвечаю и иду следом.

Мы заходим домой, я веду их по коридору и сворачиваю налево, к комнате матери.

Она сидит на краю кровати, Олег рядом, на её лице улыбка.

– Ваш сын написал заявление, что этот мужчина вас избил, – механически проговаривает высокий полицейский, а тот, что ниже, продолжает молчать, окидывая комнату брезгливым взглядом.

– Нет, нет, что вы, – с натянутой улыбкой щебечет мать, а я непроизвольно открываю рот, – я упала и ударилась лицом. Сын просто не принимает моего нового мужчину после смерти мужа. По отцу скучает.

Я резко откидываюсь к стене и сглатываю. Мгновенно думаю, куда можно сбежать. Не собираюсь жить с Олегом, лучше пойду на вокзал и там на лавке переночую.

Высокий продолжает расспрашивать мать и её друга, низкий, достав планшетку с листком сероватого цвета, что-то быстро пишет.

Беззвучно ухожу в свою комнату, переодеваюсь, нахожу старенький рюкзак и складываю туда телефон, наушники и плеер, подаренный отцом на день рождения, прямо перед его смертью. Также складываю пакет с печеньем и блокнотом. Невзирая на полицейских, мать и Олега, обуваюсь, накидываю на себя куртку, из среднего ящика комода достаю кон-

верт с деньгами – если правильно помню, там осталось около семи тысяч. Напоследок хватаю громоздкий зонт с деревянной ручкой, который когда-то принадлежал отцу, и ухожу, не оборачиваясь, не слыша, зовёт кто меня или нет.

Сначала я шёл просто вперёд. Думал о матери, почему она связалась с этим упырём, почему оправдала его, выставив родного сына идиотом. Злился на отца за то, что бросил нас, умер так рано, оставив меня одного. Попытался раскрыть зонт, но клапан заел, и он не раскрылся. С размаху я лупанул зонтом об асфальт, всё своё раздражение выместив на последнем отцовском привете. Пружина, держащая фиксатор, внезапно сработала, видимо от удара, и зонт, словно гигантская птица, раскрылился, как будто перед полётом.

Стоя, как дурак, посередине тротуара под отцовским зонтом, я вспомнил про Санька и решил попроситься к нему переночевать, долго смотрел на экран телефона, но так и не решился набрать его номер, не захотел никого напрягать.

Обернувшись, заметил лабиринт. В некоторых местах листва облетела, и в стенах образовался просвет. Прогулялся по лабиринту, дошёл до того укромного места, и долго сидел на мокрой земле, поглаживая предплечье и представляя, что меня касаются хрупкие пальцы Незнакомки. Ненадолго погрузился в сладкую негу, смакуя каждое прикосновение к ране, чувствуя щекотку под рёбрами. Потом поднялся и пошёл дальше, осознав, куда мне нужно.

Сейчас уже полночь, я сижу под одеялом на узкой кровати в хостеле и сжимаю в руках голубой блокнот. Наконец без-опасность, а я вот-вот начну читать о новом дне моей подруги. Сейчас ближе неё у меня нет никого, хотя все, что есть, это губы, руки и слова, написанные синей ручкой и вдавленные в белые листы. Как будто она хотела сохранить их, чтобы буквы не вырвались из объятий бумаги и не растворились в воздухе. Открываю на пятом дне, вижу в уголке узоры из ромбиков, квадратов и крестов. Отгоняю последние мысли об ужасном дне и начинаю читать.

Здравствуй, незнакомый человек! Сегодня я решила подарить тебе свой дневник. Надеюсь, что информация, которую я нашла, тебе как-то поможет в жизни. Я не знаю, девушка ты или парень, сколько тебе лет, чем увлекаешься и кого любишь...

В голове мелькает мысль «тебя», и внутри тут же что-то простреливает, а потом щёки заливаются кровью, становится жарко, и я откидываю одеяло в сторону.

«Тебя».

«Тебя».

«Тебя».

Слово бьёт в голове, тянется бегущей строкой перед глазами, выворачивает наизнанку внутренности. Но при этом понимаю, что не хочу останавливать эти чувства, поэтому представляю губы, которые шепчут моё имя, тонкие пальцы, которые ласкают моё предплечье и скользят по ране, ненадолго прикрываю глаза, наслаждаясь, только спустя какое-то время продолжаю читать.

...но это и неважно. Вселенная выбрала тебя, а, значит, и я тоже. Надеюсь, ты не против, я буду называть тебя «странник» и подразумевать, что пол не важен. Да и ничего не важно, но об этом позже.

Сегодня я спала тревожно, часто просыпалась, но горел свет, обнажая каждый уголок моей комнаты.

Дежавю бывает около 5-6 раз на дню, дереализация (ощущение нереальности мира), о которой я писала ранее, происходит почти постоянно. Я уже и забыла, каково это полностью руководить собой. Кажется, что мой разум, то есть, я сама сижу глубоко в теле и лишь наблюдаю, как оно говорит с кем-то, ест, читает, гуляет с котом и так далее. Кстати, котик сегодня был особенно игривый, бегал, царапал диван, лез ко мне целоваться. Наверное, он единственный, кого я люблю и о ком хочу заботиться. Сейчас он лежит со мной на кровати и дёргает лапкой, возможно, ему снится, как он бежит.

Весь день я провела дома, за исключением выгула Митьки. Много читала, искала на просторах интернета информацию о голосе. В основном, пишут, что это галлюцинации, но я отдаю себе отчёт и точно могу сказать, что он звучал в реальности. А потом случайно наткнулась на статью о матрице.

Нет, не про фильм.

Там пишут, что наш мир – это матрица, подобно компьютерной игре, а мы находимся в иллюзии, спим. Теперь всё сложилось, голос говорил мне проснуться, а, значит, можно почти со стопроцентной уверенностью предположить, что мир действительно нереален. Я надеюсь, ты не решишь, что я сошла с ума, просто подумай объективно, сколько всего вокруг нас нелогичного и несправедливого. Люди ведут себя странно, законы природы не всегда работают. Многое невозможно объяснить научно, но теория о матрице закрывает эти сюжетные дыры.

Задумайся, а завтра прочитаешь ещё много всего интересного, но пока что я хочу пригласить тебя на встречу.

Я хочу, чтобы ты нашёл место, где можно хорошо разглядеть горизонт, а завтра утром пришёл бы туда с дневником. Мы будем вместе наблюдать прекрасный и неповторимый рассвет, только я буду писать, а ты читать. Помни, что время нелинейно, нет ни прошлого, ни будущего, только здесь и сейчас, только ты и я в одной точке соприкасаемся душами. Буду ждать тебя завтра под первыми лучами

осеннего солнца. До встречи, мой милый странник.

Прижимаю дневник к груди, сердце колотится, а по спине мечутся стаи мурашек. Обкусываю нижнюю губу, вновь и вновь представляя, как её губы касаются моих и, кажется, я даже чувствую лёгкое покалывание на коже.

«Мой милый странник».

Перечитываю тысячу раз, ласкаю глазами и мыслями.

Вслух шепчу:

– Моя милая Незнакомка.

Думаю, какие у неё могут быть глаза. Наверное, зелёные или светло-голубые. Они точно особенные и неповторимые. Будь она здесь, смотрела бы на меня, даря нежность, которой мне так не хватает. Хочу представить её внешность, но понимаю, что всё не то. Когда мы встретимся, я долго буду привыкать к тому, что в мире существует нечто столь прекрасное. Я уверен в этом.

Рассматриваю блокнот, листаю страницы, но не читаю дальше. Она просила быть последовательным, и я буду. Так и засыпаю – в обнимку с блокнотом и с мыслями о моей милой Незнакомке.

Шестой день.

Вскакиваю резко, чуть не падая с кровати. Хватаю телефон и, щурясь, долго пялюсь в экран.

4:44 утра.

Будильник не поставил, потому что не заметил, как уснул. Смеюсь вслух, вспоминая сон.

Незнакомка стояла напротив и улыбалась. Она хлопала длинными ресницами, а глаза её светились нежно-голубым сиянием. В руках она держала свой голубой блокнот и поглаживала корешок своими хрупкими пальцами. Она шептала, но сначала я не мог разобрать, а потом услышал «проснись», и тут же вскочил.

Собираюсь наспех, спускаюсь и бужу спящую девушку на ресепшене. Отдаю ключ, хотя у меня проплачены две ночи. Я смогу переночевать в спокойствии, но от семи тысяч осталось уже пять.

Иду в предрассветных сумерках, глубоко втягивая в себя утренний прохладный воздух. Рюкзак свисает с одного плеча, очки крепко держатся на носу, не сползая с сухой кожи. Ещё вчера твёрдо решил не ходить в школу, хотя сегодня уже сомневаюсь, и только воспоминание о моих врагах убеждает, что лучше там больше никогда не появляться. Сделал бы что угодно, лишь бы никогда не переступать порог ненавистного

мне заведения. Пока иду, думаю, пойдёт ли мать на работу сегодня, а потом отгоняю мысли, потому что не знаю, что делать дальше.

Небо медленно светлеет, и я прибавляю шаг. Озираюсь по сторонам в поисках открытого подъезда. Когда нахожу, то ныряю в темноту и поднимаюсь на лифте на верхний этаж, но вход на крышу оказывается закрытым. Спускаюсь, бегом пересекаю несколько улиц и залетаю в ещё один открытый подъезд, но и там вход на крышу закрыт. К горлу подступает тревога, что не успею, но внезапно понимаю, что оказался прямо перед своим подъездом. Так бежал, что не заметил, по какому пути следовал.

Сначала замираю, и первое желание – развернуться и бежать прочь. Справляюсь с порывом и достаю ключ из кармана. Рука трясётся, и я никак не могу унять эту дрожь. Сглатываю слюну и ныряю в подъезд, медленно дохожу до лифта, а когда оказываюсь на верхнем этаже, с облегчением выдыхаю, хотя напряжение остаётся. Преодолеваю последний пролёт, разглядывая граффити на стене: ярко-красная роза на голубом фоне. Сначала думаю, что это забавное совпадение, блокнот голубой, а на пакете роза, потом вспоминаю Незнакомку, она писала про матрицу.

А может, она и права, весь мир нереален, всего лишь иллюзия?

Легонько толкаю деревянную, исписанную белой краской дверь, ведущую на крышу, и она без труда поддаётся. Ярост-

ный холодный ветер врывается внутрь и обдувает меня до дрожи. Всё равно выхожу, немного жмурюсь и кашляю. Ступаю по крыше осторожно, небо уже окрасилось фиолетовым, а на востоке появилась тонкая жёлтая полоса. Сажусь у края, но ноги не свешиваю, потому что побаиваюсь высоты. Рюкзак рядом. Достая блокнот и непроизвольно сравниваю его цвет с появившимся оттенком на небе вблизи горизонта. Но дневник Незнакомки светлее, скорее, как её глаза, а рассветные краски пока что слишком тёмные.

Открываю на шестом дне и читаю медленно, постоянно кидая взгляд на плавно поднимающееся над горизонтом солнце, которое выполняет рутинную ежедневную работу, однако каждый раз делает это по-особенному.

Доброе утро, мой милый странник. Почувствуй меня, я тут, рядышком. Ты, наверное, сидишь где-нибудь на крыше? Я тоже.

Резко оглядываюсь, но рядом никого.

Небо уже окрасилось голубым, а на горизонте жёлтые и красные лучи. Они выбиваются будто из-под земли. Смотри скорее! Ты видишь? Слева цвет отликает нежно-розовым...

Я приглядываюсь, и действительно, как пишет Незнакомка, красный превращается в розовый. Невольно на секунду

убеждаюсь, что она рядом. Я словно ощущаю её присутствие. Потом решаю, что это матрица, которая просто повторилась, и удивляюсь, как Незнакомка смогла так точно рассчитать, что именно сегодня это произойдёт.

Ты увидел, мой странник, и убедился, что время не имеет значения. И вообще ничего не имеет значения. Мы с тобой только что соприкоснулись в одной точке пространства, немного разорвали реальность, и ломаем чёртову матрицу прямо сейчас.

Я много уже прочитала, узнала интересные вещи, которые ты видишь каждый день, но не задумываешься о них. Реакции людей на ситуации в основном одинаковые, если ты кричишь, то и они кричат.

Думаешь, я не права? Но ведь тот, кто молчит, просто кричит внутри, а не снаружи.

Солнце уже выглянуло наполовину, оно такое оранжевое, как апельсин. Или как мяч, который был у меня в детстве. Вместе с этим шариком мир оживает, словно кто-то переводит выключатель в режим «он».

Как нас учили в школе? Солнце – это звезда, огромный газообразный шар в миллионах километров от Земли. Но я прочитала, и это гораздо логичнее, что солнце – это просто большой светильник, отопительный прибор, который летает прямо над Землёй. В это сложно поверить, но если почитать доводы альтернативных учёных, то ты во всём

убедишься сам или сама.

Давай теперь посидим вместе в тишине, посмотрим на солнце, а вдруг это последний закат в нашей жизни? И дело не в том, что смерть поджидает нас на каждом углу, а в том, что, возможно, мы закрутимся в повседневных делах и больше никогда не выберемся на крышу и не увидим розовые, красные и жёлтые лучи, не насладимся этим сиренево-голубым небом, таким невероятно прекрасным и невозможно настоящим.

Когда насладишься играми солнца вдоволь, переверни страницу, там продолжение.

Смотрю на горизонт. Всё так, как описывает Незнакомка, и становится немного жутковато, откуда она могла знать?

Всматриваюсь в солнечные лучи, к счастью, небо сегодня безоблачное, и я могу отчётливо рассмотреть каждый цвет. Сажу в тишине, только порывы ветра подвывают и посвистывают, где-то вдалеке шумят проезжающие машины. Руки подмерзают, и я прячу их в карманы, а блокнот остаётся лежать на коленях.

Закрываю глаза и представляю её рядом. Чётко не вижу, лишь голубые глаза, чуть приоткрытые губы и хрупкие длинные пальцы, которыми она неторопливо ведёт по предплечью. Вытаскиваю руку и закатываю рукав, глаза закрыты. Чувствую, как ветер касается раны и представляю, что это

не ветер, а незнакомка проводит по ней языком, от запястья вверх к локтю. Резко выдыхаю, сглатываю, но напряжение не проходит. Уже сам глажу загрубевшую коркой рану, дрожу, но не от холода, а от трепета внутри, который разрывает грудь, выкручивает живот, щекочет сердце и ударяет в голову.

Стискиваю челюсть и стучу зубами, а потом кричу, громко, хочу вместе с криком отдать этому рассвету всю боль, что скопилась внутри, ору, оглушая сам себя, молю солнце забрать моё горе, отчаяние, развеять по осеннему ветру тоску и печаль. Горло срывается, издавая хрип и кашель. Бросаю взгляд на руку и с ужасом замечаю, что содрал всю корку, и кровь сочится по руке.

Вспоминаю Светку, и медленно, нерешительно, но всё же веду языком по коже, слизывая кровь, удерживая в мыслях образ Незнакомки.

Потом спустя какое-то время вновь открываю дневник и переворачиваю на вторую часть шестого дня. Дрожь ещё бьёт тело, но голова прояснилась, а дыхание не такое сбивчивое.

Надеюсь, тебе понравилась наша встреча. У меня уже вечер, я только вернулась домой, положила Митьке покушать, и сейчас сижу за столом под светом лампы. Когда я пришла, маман снова отчитала меня. Я даже не слушала её. Смотрела и улыбалась, моя голова разболелась, но я вы-

держала и промолчала. Надо было видеть, как она бесилась, задавала всякие вопросы, но я лишь кивала, чем вызывала у неё ещё больший гнев. Под конец я даже рассмеялась, а она сорвала голос от ора.

До сих пор смешно.

Какие они жалкие, и мать, и отец, мнят из себя чёрт знает что, думают, что самые умные, что всё знают, уверены, что раз выродили меня, значит, я им что-то должна. Пусть горят в аду, я им ничего не должна, и они не получают мою жизнь.

Знаешь, я прочитала сегодня размышление одного философа о свободе. Ведь у нас нет ничего, кроме неё. А окружающие упорно пытаются забрать последнее.

Ты скажешь, а как же надежда? Она всегда остаётся. Но я тебе отвечу. Надежда – это иллюзия, которая связывает нас, забирает и сковывает нашу жизнь. И я решила. Да, сейчас твердо решила, что верну свою свободу, освобожусь от оков, разобью иллюзию вдребезги и вырвусь из плена матрицы. Мне осталось всё хорошенько продумать, чем завтра и займусь. Я теперь не боюсь теней, мне не страшно слышать постоянный шёпот над ухом, они не враги, они лишь хотят помочь, а настоящие враги вокруг нас.

Мой милый странник, неужели вокруг тебя нет тех, кто всеми силами давит на тебя, забирает энергию, уничтожает жизнь, отбирает глоток свободы?

Скажешь «нет», и я не поверю. Представь, что всё исче-

зает, только представь, как вдохнёшь глубоко и свободно, как твоя душа полетит, куда захочет, без чужих указов и мнений.

Я сделаю всё, чтобы освободиться, завтра продумаю каждую мелочь, но это завтра. А сегодня я ложусь спать в полной темноте, не страшась и не переживая, они укроют меня и сэберегут. Хорошего дня тебе или вечера, пусть твой путь озаряется рассветными лучами любящего солнца, и пусть твой путь будет не напрасным.

Перечитываю и никак не могу понять, к чему ведёт Незнакомка. Я почти физически чувствую её страдание, а потом оно будто сменяется на эйфорию.

С одной стороны, каждое её слово попадает в яблочко, но с другой, как будто что-то я упускаю, какое-то звено, которое не даёт увидеть полную картину.

После нескольких прочтений решаю, что она собралась сбежать в другой город, а потом, возможно, и в другую страну. Наверное, она оставила пакет и сбежала, а, значит, я смогу её найти. В любом случае я попытаюсь это сделать.

Солнце уже поднялось над горизонтом, однако теплее не стало, октябрь холодный месяц, скоро зима, все укуруется белым. Я люблю зиму, нравится смотреть на морозные узоры на окнах, слышать хруст снега под ногами и вдыхать ледяной воздух. Но самое прекрасное – это холодные звёзды зимней ночью, они сияют ярче, чем летом, словно хотят сами согреть

землю, раз солнце не справляется.

Встаю нехотя, но руки и ноги окоченели, нужно поскорее попасть в тепло. Выхожу на моём этаже, и вот я уже стою перед дверью своей квартиры. Мнусь, держу ручку, но войти никак не решаюсь. Вдруг слышу голос мамы, хриплый, окончания слов проглатывает, растягивает буквы. Она пьяна, а ведь сегодня понедельник, значит, на работу не пойдёт, её уволят и всё, жить будет не на что.

Подскакиваю и убегаю на улицу. Там замираю, озираюсь в панике и решаю бежать дальше, в центр, в лабиринт. Отчаяние накрывает с новой силой, не сбавляю скорость, пока не начинаю чувствовать металлический привкус во рту. До лабиринта уже дохожу быстрым шагом, останавливаясь перед входом.

– Андрюх, у тебя все нормально? Привет, – знакомый голос заставляет вздрогнуть и резко обернуться.

Санёк стоит совсем рядом и широко улыбается, напрягая пухлые щеки.

– Ты чего не в школе? – почему-то спрашиваю я.

– У нас была пожарная тревога, прям на первом уроке, ну вот мы и решили после эвакуации больше не возвращаться, – беспечно отвечает он и оглядывается.

Я слежу за его взглядом, и вдалеке вижу размытые силуэты. Лица не различимы, но я точно узнаю длинные волосы Машки и чёрные прядки Светки.

– Ты чего так смотришь? – Санек подозрительно загляды-

вает в мои глаза, наверное, мой вид то ли ошарашенный, то ли испуганный.

– Я пойду.

– Давай погуляем вместе. Ты, кстати, на звонки специально не отвечал? Что у вас со Светкой произошло?

Я оглядываюсь, решая вновь убежать.

– Все нормально, – вру, и даже не стараюсь звучать убедительно.

Санёк ещё что-то говорит, но я не слушаю и ухожу в лабиринт, иду, не задумываясь, поворачиваю на автомате, смотрю вперёд и несколько раз спотыкаюсь о камни на дороге. Ругаюсь про себя, почему не позаботились о нормальных тропинках, продолжаю идти дальше. Не замечаю, как оказываюсь в том самом укромном уголке, сажусь на землю и приклоняюсь к кустарнику, который чуть продавливается под моей спиной, однако не позволяет мне упасть.

Спустя минут пятнадцать вижу Светку, которая молча протискивается ко мне и садится напротив, не утруждаясь подстелить что-нибудь на землю. Мы смотрим друг на друга, в этот раз я не отвожу взгляда и почему-то даже не смущаюсь. Наверное, если бы это были голубые глаза Незнакомки, я тут же залился бы краской, но её тёмные глаза меня не беспокоят.

– Почему ты убежал? Испугался? – она говорит тихо и вкрадчиво, но я не слышу обиду в её голосе.

– Честно, да, – отвечаю ровно и поправляю съехавшие на

кончик носа очки.

Светка чуть усмехается и прикрывает рот рукой, опускает глаза, а потом смотрит снова.

– Но ты пришёл сюда снова. И знал, что я тебя видела.

– Верно.

Она смеётся и берет мою руку. Я не мешаю, позволяю её пальцам скользить по коже, разрешаю закатать рукава, но только лишь она прикасается к ране, резко её останавливаю.

– Не эту, – говорю с напором, но губы тянутся в странной улыбке.

Она кивает и достаёт из кармана маленький ножик. Теперь могу его разглядеть: рукоять песочного цвета с узорами по типу мрамора, лезвие короткое, чуть изогнутое. Сам протягиваю другую руку и чуть морщусь, чувствуя укол около запястья. Встречаюсь с глазами Светки, она прищуривается и улыбается с хитринкой, я усмехаюсь одними уголками губ в ответ, она продолжает вести лезвие вверх медленно и неглубоко, но тонкие струйки крови уже текут по моим пальцам и капают на землю. Резкая боль мгновенно перерастает в сладкое тянущее чувство под рёбрами и в животе.

Закрываю глаза и отчётливо вижу Незнакомку, тут же из губ с выдохом вырывается стон, до ушей доносится звонкий смех, и я вижу, как смеётся образ голубоглазой девушки в моей голове. Чувствую, как боль прекращается, приоткрываю глаза и сквозь ресницы вижу, что Светка медленно слизывает кровь с моей руки. Она постанывает и вздыхает, а по-

том поднимает голову и приближается ко мне вплотную. На губах и подбородке я вижу алые пятна, но не чувствую ничего, кроме желания податься вперёд.

Наши губы соприкасаются, облизываю её кожу, металлический вкус крови не кажется мне новым, глаза закрыты. Я целую мою Незнакомку, вжимаюсь в неё сильнее, прикусываю нижнюю губу до крови, рукой хватаю за талию и тяну к себе. Она хватает меня за горло и сдавливает так, что дыхание застревает, разум мутится, но из-за этого голубоглазый образ только отчётливее. Не желаю останавливаться ни на секунду, но Светка вдруг отстраняется, а я непроизвольно делаю глубокий судорожный вдох.

– Это, – она мнётся и почему-то прячет взгляд, – это... очень круто.

– Мы повторим? – стараюсь спросить равнодушно, но иллюзорная надежда проступает в голосе, хотя, возможно, Светка и не заметит.

Теперь уже она улыбается широко и смотрит мне в глаза. Затем ногтями впивается в щеку до боли, но я сам хочу этого, а потому не шевелюсь, позволяя ей оцарапать кожу.

– Повторим. Но завтра, – властным голосом отвечает Светка и резко поднимается на ноги.

Она уходит, а я ещё долго сижу на земле, то закрываю глаза, то рассматриваю свои раны. Кривые, рваные, местами кровь уже запеклась, капли подсохли и почернели. Касаюсь пальцами обветренных губ. Я бы мог поцеловать её. Мою

Незнакомку.

Я поцелую её. Как только дочитаю дневник, сразу же отыщу и подарю ей весь мир. Сделаю её самой счастливой, уверен, она этого заслуживает.

О Светке думаю вскользь. Проскакивает мысль, что я мог бы попробовать встречаться со Светкой, но отгоняю эти думы прочь. Зачем мне черноволосая девчонка, такая же как все, если через несколько дней я увижусь с самой прекрасной девушкой на планете? А может, она вовсе не человек? Ангел.

Вожу пальцами по земле перед собой, рисую бездумные узоры, выписываю кривыми буквами «Незнакомка». Она завладела моими мыслями, и я рад этому.

Сидя на одном месте, замерзаю и наконец выбираюсь из лабиринта, временами сворачивая не туда и упираясь в тупик. Я бреду в хостел. На входе игнорирую ошеломлённый взгляд девушки-администратора.

Наверное, я весь в крови.

Забираю ключ и прячусь от мира в номере. Наконец расслабляюсь, принимаю ванну, лежу долго, а пар от горячей воды клубится по комнате. Сначала раны щиплет, но я привыкаю, а затем и вовсе перестаю чувствовать боль. Подходя к кровати, кидаю мимолётный взгляд на зонт в углу. Отец любил его, часто носил с собой как аксессуар, даже если не было дождя. Подхожу к окну и долго смотрю на крыши домов. Они серые и невзрачные, зато выше простирается бес-

крайнее небо, поражающее своим простором и величием.

Около девяти вечера падаю на кровать и успеваю кое-как укрыться одеялом, прежде чем моё сознание проваливается в сон.

Я устал. От всего – жизни, мира, сухого песка и грязных луж, от лжи, лицемерия и зла. Я так сильно устал, но девушка, которую я никогда не видел, вернула мне свет. То самое пресловутое тепло, от которого моё сердце расцвело подобно черёмухе по весне. Пусть это лишь сон, но я вижу тебя, моя Незнакомка. Здесь никто не помешает нам быть рядом, здесь никто не запретит мне касаться тебя, гладить по волосам, вглядываться в твои глаза, которые так сильно похожи на карельские озёра.

Седьмой день.

Просыпаюсь рано утром выспавшийся, но дико голодный. Вспоминаю, что вчера ничего не ел, только пил воду весь день. Предплечья тянет, подхожу к зеркалу в ванной и вижу отметины ногтей на щеке, оставленных Светкой.

Касаюсь их, отчего кожа чуть ноет, давлю сильнее, достигая жжения, прикрываю глаза и улыбаюсь. Стараюсь не думать, что это, по меньшей мере, странно.

Смотрю на экран телефона.

Десять часов утра.

Быстро принимаю душ, одеваюсь и покидаю хостел. На улице ярко светит солнце, отражаясь от мокрого асфальта. По небу неспешно плавают толстые пушистые облака, под ногами блестят свежие лужи, и я понимаю, что до моего пробуждения шёл дождь.

Рассматриваю тротуарную плитку и стараюсь не наступать на стыки, потом бросаю это дело и иду дальше. Никак не выходит отделаться от странной привычки. Не наступай на стыки или разметки на дороге, отдувайся, если сказал что-то не то, мой руки только нечётное количество раз, перед выходом из дома три раза оботри руки о штаны.

Боже, так много всего!

Никогда не замечал этих мелочей, но сейчас почему-то

обращаю на них внимание. Какая глупость.

Захожу в уютную кафешку, нахожу свободное местечко, усаживаюсь. Солнечные лучи ослепляют. Они заливают весь стол, греют и навевают ощущение весны.

Подходит молодая официантка. Возможно, и я однажды устроюсь работать в кафе. Тогда я стану независим. Тогда смогу обеспечить мою милую Незнакомку, чтобы и она была независима, чтобы жила со мной и больше никогда не страдала от гнева её родителей.

Возвращаюсь в реальность, на время оставляя приятные мысли. Девушка-официантка ждёт меня уже долго. Нервничает, поправляя белоснежный фартук. Заказываю пасту с морепродуктами, хотя терпеть их не могу, и большую кружку кофе. Рюкзак стоит рядом, я вожу пальцем по стеклянному столу, оставляя жирные разводы. Рисую сердечко, потом стираю и выше пишу «Незнакомка». Зонт лежит на стульчике рядом. Он выглядит серым из солнца, почему-то не хочется видеть его. Подумываю выбросить отцовский аксессуар. Матери он не нужен, а мне...

Раньше я дорожил им. Он связывал меня с отцом, как будто папа был рядом, жил в нашей квартире. Не лежал в деревянном гробу под слоем земли. Но это тоже иллюзия, как и всё вокруг.

Щурюсь, когда смотрю сквозь окно на прохожих, которые спешат по своим делам. Интересно, о чём они думают? Хотят ли они свободы? Знают ли про матрицу? А может, кто-то

прямо сейчас испытывает дежавю?

Ем с жадностью, почти не жую, вкус у кальмаров не такой уж и противный, а вот креветки мерзкие, пресные. Выплёвываю одну и вместе с остальными отодвигаю на край широкой тарелки. Потом цежу кофе, он обжигает язык и десну, но оставляет приятное горькое послевкусие. Почему отец его не любил? Я ведь никогда и не спрашивал.

Наблюдаю за посетителями и параллельно думаю, что делать дальше. Могу вернуться домой и жить с пьющей матерью. К тому же, Олег, скорее всего, тоже будет приходить часто, а может, и вовсе поселится с ней.

Можно попробовать уехать в другой город, например, к тётке. Она живёт одна с кучей кошек. Отбрасываю эту мысль, ведь я видел её целых лет десять назад, не факт, что она примет меня. Скорее не примет.

Решаю, что вопреки всему вернусь домой. Для начала заряджу телефон, а то остаётся меньше десяти процентов, разведая обстановку, а там уже разберусь на месте. Оплачиваю счёт и неспешно выхожу из кафе, но тут же торможу и замираю на месте.

Мне навстречу идут Виктор и Белый. Они точно меня видят, Виктор машет рукой. Понимаю, что бежать некуда, враги слишком близко, решаю вернуться в кафе, но слишком поздно. Белый двумя шагами достигает меня и хватает за край куртки. Тащит в сторону, за кафе. Я иду сам и готовлюсь драться. Не собираюсь больше подставлять щёки или

как там в Библии предлагают.

Мы идём дальше, проходим несколько дворов. Всё это время никто не произносит ни слова. Вижу впереди гаражи и понимаю, что они ведут меня туда.

– Что вы от меня хотите? – спрашиваю громко, к удивлению, голос не дрожит, хотя страх продолжает клубиться где-то внутри.

Белый толкает меня вперёд, когда оказываемся спрятанными от чужих глаз.

– Да ничего не хотим, – тянет Виктор и усмехается.

Я выпрямляюсь, поправляю волосы, но они вновь падают на лоб.

– Ты мусор, – Белый плюёт мне под ноги и глупо ржёт.

Я не выдерживаю и прыскаю со смеху. Незнакомка писала, как смеялась, а мать злилась ещё больше. Что ж, пора мяться. Не могу стать лучше, значит, стану намного хуже.

– Страх потерял? – продолжает наступать бугай.

– И не находил, – отвечаю дерзко и снова смеюсь.

Внезапно понимаю, что не боюсь ударов, не страшусь боли, ведь она приносит мне удовольствие.

Белый бросается ко мне и замахивается, чтобы ударить, но я отскакиваю в сторону, и он промахивается. Параллельно выставляю вперёд отцовский зонт.

– Ванёк, остынь пока, – говорит Виктор, – давно тебя не видно, Андрюх.

– Соскучился? – я натягиваю рюкзак на одно плечо и разминаю шею.

– Ты изменился, – он снова улыбается, – но всё ещё такой же прыщавый сопляк.

Я смотрю ему в глаза, не отрываясь, и не обращаю внимание на Белого. Хотя краем глаза стараюсь следить за его движениями, чтобы успеть снова отскочить. Или с размаху залепить зонтом по его физиономии.

– А ты своему отцу сможешь такое сказать? – задаю вопрос, который готовил для него уже несколько дней.

Улыбка тут же спадает с лица Виктора, он вытягивается и резко напрягается.

– Чего несёшь? – его голос предательски срывается, а я ликую внутри.

– Тебе к психологу нужно походить, полечиться, бери пример с Белого, – продолжаю уже смелее, – мой-то отец хоть просто умер, а твой тебя бьёт, кстати...

Приглядываюсь и замечаю, что у него из-под шарфа выглядывает синяк, тут же продолжаю, пользуясь их замешательством.

– Кстати, а вон и синяк на шее, неужели он не смог тебя придушить? Или решил просто припугнуть? Наверное, второе, – я делаю шаг в сторону и опираюсь о холодную стенку гаража.

– Я тебя убью, – шипит Виктор, – нет, я испорчу твою жизнь. Ты будешь молить о смерти.

Я сглатываю от подкатившего страха, но стискиваю зубы, не давая волю эмоциям.

– Всё же остаётся неясно, почему вы до меня домахались? – мне действительно это интересно, и я в очередной раз пытаюсь добиться ответа.

– Ты – мусорский ублюдок, – пыхтит Белый.

Я прокручиваю его ответ в голове и не сразу, но начинаю соображать.

– Твой отец – мент, – говорит Виктор, поправляя свой шарф, подтягивая его выше к подбородку, – он засадил моего в тюрьму за кражу. А когда батя вышел, то начал пить. Поэтому, раз я не могу отомстить твоему отцу, значит, отомщу тебе.

– Странная логика, – тяну я, осмысливая сказанное.

Поворачиваюсь на Белого, но даже не спрашиваю о его мотивации, по глазам видно, что причины нет, он просто тупой.

Ненадолго отвлекаюсь, и массивный кулак приземляется мне в челюсть. Резкая боль пронзает, и я с грохотом врезаюсь в железную стену. Зонт отлетает в сторону, не успеваю ухватить его. Он приземляется прямо в лужу, заливается грязью, и я чувствую какую-то странную, ненормальную радость.

Сползаю на землю, руками цепляю ручку гаража, зелёная краска обсыпается, приклеиваясь к коже. Начинаю смеяться, тру челюсть и поднимаю взгляд на моих врагов.

Белый покраснел и часто дышит, а Виктор кривит губы

в злобе. Он подходит ко мне и с размаху ударяет ногой в живот, отчего дыхание прерывается, и я не могу вдохнуть. Скручиваюсь, прижимая колени к груди. Он замахивается снова, а я всаживаю ему в голень вилку, которую держал в руке, когда вышел из кафе. Задумался и не заметил, что сжимал её. Когда понял, то уже увидел врагов на подходе, поэтому спрятал в рукаве.

Виктор воет и отскакивает назад, Белый мечется из стороны в сторону, не понимая, то ли бить меня, то ли помогать другу.

Я поднимаюсь на ноги, опираясь о стену, чувствую слабость, колени потряхивает, но стою почти прямо. Собираюсь уходить, но наперерез кидается бугай, и я торможу в паре шагов от него.

– Я всажу эту вилку тебе в глаз, – рычит второй, медленно вытаскивая столовый прибор из ноги.

– Лучше не надо, – говорю чуть хрипло, наконец осознавая, что вляпался по уши, – вдруг я артерию какую-нибудь задел, кровью истечёшь.

Он останавливается, а потом делает резкий выпад ко мне, извергая ругательства.

– Ну-ка пошли на хрен отсюда! – за их спинами мельком вижу чёрные прядки.

Светка.

Она напряжена, ноги расставлены широко, а в руках дер-

жит пистолет. Часто моргаю, решая, что мне показалось, но ствол не исчезает. Она направляет дуло то на одного врага, то на другого.

– Светка, с ума сошла? Откуда он у тебя? – Виктор прижимает руку к вилке, воткнутой в его голень. Он весь покраснел, дышит тяжело, на лбу выступил пот. Чтобы достать до вилки он согнулся в три погибели, замечаю, как подрагивают его пальцы.

– Откуда надо, – мрачно отвечает Светка и тянет жуткую улыбку, – пошли вон, а то прострелю колени.

Белый делает к ней шаг, но она тут же направляет пистолет на него.

– Ладно, ладно. Мы уйдём, – выдавливают Виктор, – надеюсь, твой отец узнает и приберёт тебя за это.

Она молчит и пропускает Виктора с Белым, которые медленно покидают поле боя.

– И больше не трогайте Андрея, иначе скажу отцу про то, что твой тебя бьёт, – тихо шепчет Светка, но они достаточно близко, чтобы услышать, – его снова посадят, и ты будешь один, Виктор.

Он смотрит на неё с недоверием, потом резко дёргает шарф вверх, стараясь скрыть здоровенный синяк.

– Мусорские ублюдки оба, – рычит Белый, но Виктор тащит его за плечо прочь от нас.

Светка подходит ко мне, и сначала мы громко смеёмся, хохочем от души, потом замолкаем и долго смотрим друг

другу в глаза.

– Пистолет?

Она усмехается и крутит ствол на пальце.

– Игрушечный.

Светка стреляет в землю, и из дула вылетает жёлтая пластмассовая пулька. Потом засовывает игрушку за пояс джинсов и предлагает прогуляться.

Проходимся по парку, временами тру челюсть, представляя, насколько большой будет синяк, хорошо хоть не сломали. Большую часть времени идём молча, иногда перекидываясь бессмысленными фразами. Потом она кивает в сторону лабиринта, а я понимаю, что только этого и ждал. Как наркоман новой дозы.

Все то же укромное место, сидим на сырой земле, она водит кончиком кинжала по моей ладони, но только щекочет, не ранит.

– Как ты меня нашла? – спрашиваю у Светки и слежу за её плавными движениями.

Замечаю, что её пальцы грубоватые и короче, чем у Незнакомки, по крайней мере у той прекрасной неземной девушки, которую я представляю. Ногти Светки накрашены черным лаком, местами он облупился.

– Случайно нашла, – бросает она и растягивает губы в полуулыбке.

Я фыркаю и всем видом показываю, что не верю ей.

– Ла-адно, – нехотя отвечает Светка, – я шла из школы, и

издалека увидела тебя возле кафе, ты только заходил внутрь. Я быстро домой забежала, сумку скинула и на улицу. Смотрю, а ты с Виктором и Белым уже во дворах почти скрылся. Вот, решила помочь.

– А пистолет ты с собой всегда носишь? – наклоняюсь к ней совсем близко и вытаскиваю ствол из-под ремня со стороны спины.

Хочу отодвинуться, но она меня придерживает за ворот куртки и целует в губы, еле касаясь, а потом толкает в грудь, и я откидываюсь на кусты. Дерзко смеюсь, на её щеках проступает румянец. Неужели, я действительно её нравлюсь?

Держу в руках пистолет, стреляю в сторону, наблюдая за игрушечными пулями, которые застревают в мягкой земле.

– Мы с младшим братом вместе шли, – рассказывает Светка, – я к тебе, а он во дворы гулять. Когда тебя увидела, то пистолет у него забрала, решила, что лучше так, чем нож показывать, – она со второй попытки выхватывает игрушечный ствол и откидывает в сторону. Он приземляется с глухим стуком.

– Тебе было больно? – спрашивает она тихо, касаясь моего подбородка.

Отклоняю голову в сторону, потому что, видимо, удар достаточно сильный, раз от её прикосновения простреливает всю нижнюю челюсть.

– Нет, – вру я и тут же получаю смачную пощёчину как

раз по левой стороне.

В глазах искрится, и лицо на несколько секунд немеет. Сдавленно мычу, прикрывая щеку рукой. Кожа горит, да и вся сторона ноет и простреливает.

– А так? – слышу в её голосе любопытство, а потому растерянно смотрю в глаза, пытаюсь понять, о чём она думает.

– Сейчас да.

Светка улыбается, отцепляет мою руку от щеки и облизывает воспалённую кожу, от чего жжение постепенно утихает.

Она кладёт нож в мою ладонь и начинает медленно растёгивать молнию на моей куртке. До конца не доходит и принимается за пуговицы на рубашке. Я затаиваю дыхание и только наблюдаю за её действиями. Светка не смотрит на меня, также не растёгивает до конца, освобождая только мою грудь. По голой коже тут же бегут мурашки от холодного воздуха. Она забирает нож и проводит лезвием сначала по ключицам, дальше по груди и снова вверх.

Придвигается ближе ко мне, сжимает горло пальцами, а потом давит остриём, разрезая кожу. Я закрыл глаза, и поэтому не вижу, насколько глубоко, но не могу сдержаться от сдавленного рыка и шипения, чувствую, как вязкая струйка потекла вниз к животу и запнулась в области пупка.

Светка ведёт лезвие вниз невозможно медленно, стискиваю зубы от разливающейся сладости внутри, боль перерастает в щекочущие покалывания, они, в свою очередь, смешиваются с новыми уколами ножа, на которые наслаиваются

приятные сладкие волны. Они распространяются в конечности, пульсируют, это похоже на танец боли и удовольствия, сначала сильнее чувствую одно, потом другое, и так по кругу.

Глаза закрыты, но я отчётливо вижу Незнакомку. Она пролистывает свой дневник, смотрит мне в глаза, потом улыбается и шепчет моё имя. Сейчас я могу представить её мягкие длинные локоны цвета золотистой пшеницы. Они спадают на её округлые плечи, скользят по ключицам, идут волной по всей длине и при любом движении колышутся плавно и мягко. Незнакомка поправляет их за ухо, но те выбиваются обратно. Я сам поправляю её пряди и чувствую тыльной стороной кисти, что её кожа мягкая и гладкая, словно у фарфоровой куклы.

Слышу, как громко и стремительно колотится моё сердце от прикосновения холодного металла. Потом дыхание вовсе начинает прерываться от Светкиных поцелуев. Она вновь слизывает кровь. Открываю глаза и вижу, что она смакует её и размазывает по губам и коже вокруг. Потом проводит мокрыми алыми пальцами по моему подбородку и шее, снимает с меня очки, и мир немного размывается.

– Мне так больше нравится, – Светка говорит тихо, словно это не её голос, а шелест листвы.

Раздумываю, как понравилось бы моей Незнакомке: в очках или без. Наверное, Светка видит мою озадаченность, поэтому добавляет:

– Любой так понравится больше.

Решаю в ближайшие дни купить линзы, у меня осталось ещё четыре тысячи, должно хватить.

Она снова давит пальцами на моё горло и целует в губы. Проникает языком мне в рот, и я делаю то же самое. Эмоции становятся ярче, разум туманится, дыхание сбивается, а она словно чувствует меня и впивается ещё сильнее. Непроизвольно хватаю её руку, оттаскивая от шеи, за что получаю болезненный укус. Из губы подтекает кровь, отдавая привкусом металла, и остаётся на языке. Она всё же отпускает моё горло, хотя я отчётливо ощущаю её недовольство.

Делаю глубокий вдох, и тут же она снова кусает с ещё большей силой, параллельно вдавливая ногти в недавнюю рану на груди. Не могу сдержать болезненный стон, чувствую разгорающуюся панику, но не от опасности. Я не понимаю, что со мной происходит, мне действительно больно, но я не хочу это останавливать. Чем сильнее Светка вгрызается в меня, чем агрессивнее царапает мои раны, тем яснее я вижу Незнакомку, и тем ярче мои чувства к ней.

Потом Светка нехотя отстраняется, с будничным видом застёгивает пуговицы и следом молнию, небрежным жестом стирает кровь с моего подбородка, а я, всё ещё держа в голове голубоглазый образ, мягким движением стираю красные подтёки с её губ.

– Ты считаешь, что это неправильно? – спрашивает она, садясь напротив меня на расстоянии.

Немного медлю, растерянно пытаюсь понять свои мысли.

– У меня никогда не было девушки, – осторожно начинаю я, – поэтому даже не знаю, как правильно.

Светка кивает и подаёт мне очки, которые всё это время лежали на земле.

Протираю их от грязи, надеваю, но всё равно вижу мутные пятна. Трачу какое-то время, чтобы достаточно их вытереть, а Светка с интересом наблюдает за мной. Она улыбается, чуть прищуривается, и я нахожу это довольно милым. На её щеках играют ямочки, у виска белеет крохотный шрам.

– Ты мне нравишься, – вдруг говорит она, и я от неожиданности роняю очки снова на землю, – но, боюсь, на тебе не останется живого места через пару недель.

Она смеётся, и я улыбаюсь, не зная, как реагировать. Я не могу ответить ей взаимностью, ведь в моём сердце другая.

– Сделаем перерыв, – решает Светка.

Хочу возразить, но останавливаю себя и киваю:

– Как скажешь.

– Да, как я скажу.

Ухмыляюсь от её властного тона, Светка хмурится, но молчит. Где-то в глубине души у меня возникает огорчение от её заявления. Я хотел бы продолжить наши встречи, хотел бы чувствовать холодную сталь на моей коже.

Мы идём по лабиринту снова в тишине. Удивительно, что есть ещё человек, который не любит разговаривать попусту.

Провожая её почти до дома и на прощание получаю поцелуй в щеку, мягкий и невинный, как если бы ничего из того, что мы до этого творили, не было.

Иду дальше один. Медленно, потому что боюсь возвращаться домой. Все сладкие чувства перекрываются тревогой и страхом, постоянно ерошу волосы от напряжения, снимаю и надеваю очки, скриплю зубами, но в итоге всё-таки дохожу до родного подъезда и останавливаюсь. Свет в окне не горит, но я не уверен, что квартира пуста.

Здоровуюсь с двумя соседками, которые проходят мимо. Они смотрят подозрительно, наверное, из-за моих побоев или крови на лице, но не обращаю на это внимание и, напрягая всю силу воли, захожу в подъезд. На лестнице спотыкаюсь о выступ в ступеньках, чертыхаюсь и иду дальше. Запах мочи никуда не делся, но теперь чую его сильнее, на контрасте с хостелом, где постоянно ароматизируют чем-то цветочным.

Морщусь и открываю дверь в квартиру. Голосов не слышно, аккуратно заглядываю во все комнаты, но дома никого. Чуть расслабляюсь, скидываю вещи, принимаю душ и с обидой вспоминаю, какая удобная и чистая ванна в хостеле, не то, что моя – ржавая, короткая, да и напор воды в три раза меньше.

Надеваю старые баскетбольные шорты, которые я носил лет в двенадцать, растянутую футболку и шерстяные носки. Навожу чаю, беру несколько овсяных печений, вероятно,

мать их купила вчера, и запираюсь у себя в комнате.

Пью горячий травяной чай, жую печенье, крошки сыплотся мне на колени, отряхиваюсь и решаю завтра пропылесосить пол. Помыть бы его ещё, но не уверен, что найду в себе мотивацию. Он станет грязным довольно быстро, особенно в комнате матери. Особенно, если она вновь приведёт в гости своих собутыльников. Или Олега. Ненавижу его.

Из рюкзака достаю пакет с красной розой, беру блокнот и решаю читать прямо за столом, пока ужинаю, не хочу ждать больше ни минуты. Пролистываю до седьмого дня, расстраиваюсь, что осталось совсем мало, но через секунду радуюсь, предвкушая, что потом найду её. Почему-то уверен, что Незнакомка оставит свой адрес или телефон, чтобы я с ней связался. Иначе зачем всё это?

На полях листа нарисовано несколько глаз и чёрные полосы, рассматриваю, испытывая несколько жутковатое чувство от рисунков. Потом замечаю, что она постоянно делает длинный завиток у буквы «р», улыбаюсь её маленькой особенностью и начинаю читать.

Здравствуй, мой милый странник! Пролистай до конца дневника прямо сейчас, там тебя ждёт сюрприз.

Листаю с придыханием и натываюсь на сложенный конвертом листок, разворачиваю, вижу купюру в тысячу рублей. Рассматриваю и убеждаюсь, что она настоящая. Кладу день-

ги на стол и продолжаю читать.

Этой мой тебе подарок. Я не знаю, что тебе нравится, но на эти деньги хочу, чтобы ты купил себе нечто важное и ценное, то, что будет напоминать тебе обо мне.

Сегодня я спала с тенями, с моими спутниками. Видела их в углах и рядом с кроватью. Не могу сказать, что не испытала страха. Было жутковато, но я сдержалась и не включила свет. Шёпот иногда слишком громкий, отчего я не слышу, что мне говорят люди, но, с другой стороны, оно и к лучшему.

Зачем мне слушать, как орёт мать или как поливает меня грязью отец, на кой мне сдалась пустая болтовня подружек? Бессмысленные слова, глупые рассуждения. Ненавижу их. Ненавижу их мысли.

Я нарисовала глаза, думаю, ты заметил. Их я видела сегодня после пробуждения, они выросли на моих обоях и наблюдали за мной. Смотрели, рассматривали, следили. Кто-то проверял меня, матрица. Думает, что я струшу, считает, что я не способна изменить свою жизнь. Что ж, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

Проснулась, полежала, почитала. Солнце так и не выглянуло. Оно не светило и не ослепляло, не сжигало меня. Кажется, так лучше, понятнее. Может, я дочь тьмы? Может мне лучше в холоде?

Потом я рассказала про свой план Митьке, и он одоб-

рил. Ну, я так думаю, по крайней мере, он два раза мяукнул. Знаешь, я уверена, что он поддержал бы меня. Кошки чуткие существа. Порой мне кажется, что они видят намного больше, чем люди. Как будто они живут в двух мирах одновременно. Они видят то, что не видим мы, но оно здесь, рядом, за спиной твоей.

Я резко оборачиваюсь, но за спиной никого нет. Дверь в комнату закрыта, однако странное ощущение, что за мной наблюдают, никуда не девается. Ёжусь, снова кошусь на дверь. Нет, там никого.

Делаю глоток чая и возвращаюсь к дневнику.

Днём ходила гулять в центр, prošлась по лабиринту, и, к моему разочарованию, очень быстро нашла выход, даже скучно. Его поставили для дураков, которые не умеют пользоваться разумом. Ничего нет сложно в том, чтобы просто думать на пару шагов вперед. Слышала, как дети ныли, что не могут отыскать выход. Глупые. Такие же как их родители.

Потом я долго сидела на лавочке. Солнце упорно пряталось за толстыми серыми облаками. Я быстро замёрзла. Правильнее сказать – я околела, даже губы чуть посинели, но мне хотелось побыть на воздухе. В этом году осень рано стала холодной. Погода оставляет желать лучшего, наверное, я так и не дождусь солнца. Наверное, мне не ну-

эжен свет.

Я успела уже многое продумать, решила, что делать с котиком, потому что с родителями его не оставляю, он им не нужен. Им никто не нужен. Злые, жестокие. Зачем я родилась у них? Неужели не могла выбрать кого-то получше?

Ещё нашла все ингредиенты для будущего печенья, подарю его тебе в знак нежных чувств, в знак моей благодарности, что читаешь. Удивительно, я без понятия, кто ты, но испытываю что-то похожее на любовь. И не говори, что это слишком громкое слово, ведь я пишу, что чувствую. Я хочу быть искренней. Мне до одури надоела ложь и лицемерие.

Прямо сейчас испытываю дежавю, а краем глаза вижу высокую чёрную тень. Голос шепчет, что осталось совсем немного, и скоро я проснусь. Честно, очень волнуюсь, но и предвкушаю этот момент. Я всегда со страхом думала об этом, а теперь беру судьбу в свои руки и делаю то, что давно должна была.

Митька бежит как озверевший, поэтому пойду его выгуливать сейчас, а тебе, мой странник, хорошего вечера и ночи, ярких и сказочных снов.

Поглаживаю листы и прокручиваю в голове строки про рисунки глаз. Решаю, что она просто посмеялась. Вряд ли за ней кто-то подсматривал или следил, хотя кто знает.

Внутри сладко тянет, когда перечитываю слова «мой ми-

лый странник», хочу тоже взять судьбу в свои руки, но пока не знаю, как. Нырряю рукой под футболку и, глядя на строки, провожу по длинной ране от ножа. Мурашки тут же покрывают спину и голову, кровь приливает к щекам, и я глубоко вдыхаю, прикрывая глаза. Продолжаю слегка надавливать на грудь, другой рукой сжимаю блокнот и чётко вижу Незнакомку, которая сидит с чёрно-белым котом на руках, а её хрупкие пальцы тонут в его густой шерсти. В голову лезут поцелуи, почти физически ощущаю язык у себя во рту, но вижу перед собой не Светку, а девушку с пшеничными волосами. Нестерпимо хочу прижать её к себе ближе, отчего с выдохом вырывается стон.

Через некоторое время открываю глаза, встряхиваю головой, ощущая щекотание на лбу от длинных прядей, подумываю сходить постричься на днях. Складываю блокнот в пакет и прячу в рюкзак, который оставляю рядом с кроватью. Допиваю остывший чай и ложусь спать, хотя на часах только половина десятого ночи. Ни мать, ни Олег не пришли, но так даже лучше. Не хочу видеть их, слышать крики. Особенно, не хочу слышать эти ужасные стоны.

Лежу в темноте, размышляя, стоит ли завтра идти в школу, что делать, если встречу с Олегом и как найти загадочную Незнакомку. Укутываюсь в одеяло почти с головой и засыпаю.

Восьмой день.

Просыпаюсь резко, и первое время никак не могу понять, где я. Продолжаю вариться в своём сне ещё несколько минут, потом медленно прихожу в себя.

Я видел Незнакомку и Светку рядом, они ругались, пока не заметили меня. А как увидели, резко обернулись и потребовали выбрать одну из них. Испугался до жути, пытался убежать, но никак не мог, и чудом проснулся.

Время семь утра, значит, успеваю в школу, решаю пойти, тем более что пропустил уже два дня. Медленно одеваюсь, часто тру глаза, ощущая, что голова чугунная, и хочется лечь обратно. Опять моросит дождь, и небо снова затянуто серыми плотными облаками наглухо. Умываюсь и иду на кухню, хочу выпить кофе вместо чая, не хватает горьковатого послевкусия, хотя раньше не переносил его. В проходе застываю, видя сидящую за столом мать. Она красит ресницы тушью и смешно приоткрывает рот. Переводит взгляд на меня и виновато улыбается, потом откладывает щётку и зеркальце и бросается ко мне, чтобы сжать в объятиях. Я стою в недоумении и неловкости, ведь мы с матерью не обнимались уже очень давно, даже не могу вспомнить, когда это было.

– Андрюша! Слава Богу! Я так перепугалась, когда ты не вернулся, – бормочет она, не выпуская меня из объятий.

Кое-как выпутываюсь и натягиваю улыбку.

– Могла бы позвонить, – говорю, отворачиваясь.

Включаю чайник, шарю на полках в поисках кофе, но не нахожу, поэтому насыпаю опять травяной чай в кружку.

– Да я как-то не подумала, – оправдывается мать, – я была уверена, что ты придёшь, так и получилось.

Я молчу, а сам думаю, если бы меня убили где-нибудь, то не вернулся бы. Интересно, что она бы делала? Плакала бы? Или напилась?

– Сейчас бутербродов тебе сделаю, – она наспех отрезает толстый кусок хлеба и непомерно тонкий ломтик колбасы.

– Что Олег? – стараюсь сохранить безразличный тон и надеюсь, что получается.

– Он ушёл, – отвечает мать, но не с грустью, поэтому не спешу радоваться и не зря, – пока поживёт у себя. Сказал, что не хочет проблем с полицией. И... Андрей, он очень недоволен твоим поступком.

– Да пошёл он! – выплёвываю я, мгновенно закипая, – мне плевать, что он думает! Если ты не прогонишь этого упыря, то, клянусь, я убью его.

Осекаюсь, потому что уверен, что не смогу убить человека, но решаюсь не забирать слова обратно. Мать молчит, а потом продолжает краситься, как будто я ничего не говорил.

Делаю два глотка чая и один укус бутерброда и в той же тишине ухожу из дома. Мать трезвая, но почему-то я не рад. Зонт не взял. Он остался стоять у перекошенного шкафчи-

ка, заляпанный грязью. Мне стало неприятно касаться его, будто воспоминания об отце сделали меня слабым.

Теперь от морозящего дождя волосы сосульками липнут ко лбу, иду быстрым шагом, поэтому уже через десять минут захожу в школу. Охранник решает очередной кроссворд и даже не поднимает на меня голову. А если бы я был убийца, если у меня пистолет?

Оставив вещи в раздевалке, прохожу в класс и сажусь на привычное место в самом конце. Кажется, первым уроком физика. Раньше я любил этот предмет, но сейчас он кажется мне скучным. Тем более, после слов незнакомки о матрице начинаю сомневаться в правдивости того, что пишут в учебниках. Мы ведь доверяем им слепо, сами мало что перепроверяем, особенно квантовую физику и ядерную. Да у нас и возможностей нет, чтобы самим делать опыты, приходится верить. А вдруг нам врут? Вдруг мир совсем иной, не такой, как нам показывают?

Пришёл рано, поэтому помимо меня в кабинете пытаются проснуться ещё около семи человек. Некоторые понуро опустили голову, уперев в кулаки, двое вовсе улеглись на партах. Открываю тетрадку и на последнем листочке рисую глаза и ромбики. Увлекаюсь и не замечаю, как приходит Санёк с Машкой, а потом и Светка, которая, к моему удивлению, садится рядом со мной. От неё пахнет сладкими духами.

Размышляю, как пахнет от незнакомки. Наверное, от неё тянется невесомый аромат жасмина и соли. Он непременно

но должен быть прозрачным, но стойким, чтобы оставлять длинный шлейф, который намертво врежется в память. Та-кую девушку никогда не забываешь, даже через десятки лет о ней рассказываешь детям и внукам, мол, видел однажды богиню в автобусе, она прошла мимо, озарила меня своим сиянием, зародила в сердце надежду и растворилась в воздухе как видение. Да, так и говорят про таких, как моя Незнакомка. Но я удостоюсь иной чести. Я буду рядом с ней всю жизнь.

Светка накручивает на палец короткие прядки и сначала рассматривает мои рисунки, а потом забирает ручку и к глазам рисует нос и губы. Получается намного лучше, чем у меня, поэтому общая картинка выглядит несуразно.

Бросаю взгляд в сторону и замечаю Белого, который сидит за партой, но на меня не смотрит. Виктор только сейчас заходит в класс, прихрамывает, но тоже не кидает в мою сторону ни единого взгляда. Расслабляюсь и даже думаю, что жизнь начинает налаживаться.

Начинается урок, но не физика, а русский язык. Учитель мужчина – низкий в синем пиджаке с тонкими усиками под носом. Незаметно касаюсь кожи над верхней губой, но там ни единого намёка на усы, щеки и подбородок тоже гладкие.

– Хочешь такие же? – шепчет с лукавым видом Светка.

– Усы? – нарочно уточняю, хотя знаю, о чём она, – не обо.

– Хочешь сказать, что ты и без них хорош?

– Разумеется.

Она тянет мою руку под парту и стягивает рукав рубашки до локтя. Сглатываю, понимая, что она хочет сделать. Чувствую лёгкие касания по ране, покрытой корочкой, и покрываюсь мурашками. Прикусываю губу, сдерживая стон, и сжимаю с силой ладонь в кулак.

– У тебя красивые руки, – тихо говорит Светка, – мне нравятся твои вены.

– Хочешь вскрыть их? – сквозь зубы спрашиваю я, непроизвольно усмехаясь.

– Пожалуй, да. Или ты против?

– Я весь твой.

Она надавливает чуть сильнее, а я крепче сжимаю кулак. Слышу приглушенный смешок с её стороны.

– Светлана! Я сказал что-то смешное? – громко говорит учитель, и все внимание обращается на нас, а я тут же отдёргиваю руку.

– Просто вы вызываете у меня улыбку, Фёдор Петрович, – чересчур сладко произносит Светка и намеренно широко хлопает ресницами.

Учитель усмехается и продолжает свой рассказ, а я удивляюсь, как она так легко смогла его обмануть. Или он просто хотел быть обманутым. Впрочем, как и любой мужчина.

Больше она меня не трогает, и оставшуюся часть урока занимаемся разбором структуры сочинения.

На физике пишем тест, и Санек снова просит списать, я

не отказываю, хотя, как и всегда, предупреждаю, что не уверен в правильности ответов. Дальше физкультура, про которую я забыл и поэтому не взял форму. Физрук смотрит зло, но не отчитывает, а вручает в руки метлу, и я в одиночестве сорок минут подметаю задний двор школы от подгнивших коричнево-желтых листьев. Дождя нет, но ветер дико холодный, продувает до костей, а, значит, пора доставать зимнюю куртку.

Следующая идёт биология. Учительница заболела, и нам дают два теста, которые решаем весь урок. Все безбожно и бессовестно списывают, я не исключение. Светка временами кладёт мне на плечо голову, а её короткие чёрные пряди распадаются по рубашке подобно змеям.

На последнем уроке – информатике – решаем задачи в паскале. Делаю быстро себе и Светке, потому что она уверяет, что никогда не свяжет жизнь с программированием. Машка списывает у неё, а Санек у Машки. В итоге под конец урока нам ставят пятёрки, и Светка обещает для меня нечто особенное послезавтра. Хмыкаю и говорю, что жду с нетерпением.

После урока предлагаю Светке сходить со мной за линзами. Она воодушевляется, глаза горят, улыбка ширится на пол-лица. Не думал, что могу вызвать у девушки такие эмоции. Она тянет меня за руку идти быстрее. Всю дорогу мы молчим, но на её лице так и читается хищный восторг. Ямочки на щеках выглядят не мило, а игриво и опасно. Думаю о

том, что хочу рывком схватить её за волосы и поцеловать в губы. Прокусить её кожу до крови. Тут же меняю мысль и теперь уже желаю, чтобы она сама укусила меня или вырезала на моей груди своё имя. Хочу чувствовать лезвие ножа на коже.

– Давай цветные, – тараторит в десятый раз Светка, пока я рассматриваю очки на витрине, – дава-ай!

Сначала отказываюсь, но после получаса уговоров сдаюсь и останавливаюсь на голубом цвете.

– Наденешь сейчас? – она бессовестно заглядывает в глаза и невинно поглаживает меня по плечу.

– Неудобно, – отнекиваюсь, хотя знаю, что и на этот раз сдамся.

Спустя несколько минут корячусь перед зеркалом, слушая рекомендации продавца. Один раз почти роняю одну линзу, но ловлю в последний момент. Девушка–менеджер ширит глаза, Светка осуждающе качает головой. Неловко улыбаюсь и продолжаю свои мучения.

И вот спустя ещё полчаса стою на улице заплаканный, но зато с голубыми глазами. Удивлённо рассматриваю прохожих и вывески, потому что вижу намного лучше, чем в старых очках.

– Хочу тебя сфотографировать, – заявляет Светка и достаёт телефон, направляя на меня камеру, – глаза открой пошире, не шурься.

– Да я ещё не привык.

– Тихо!

Смыкаю губы и недовольно кривлю их, а она в этот момент делает фото. Рассматриваю себя на экране и долго гипнотизирую голубые глаза, ведь почти такие же я представлял у Незнакомки, как будто теперь она стала ко мне ближе.

Провожая Светку до дома и получаю все тот же лёгкий поцелуй в губы, хотя непроизвольно желаю вновь оказаться в лабиринте, но у нас перерыв, а я не хочу её принуждать. А точнее, боюсь, что она откажет мне вовсе. Порой кажется, что Светке нравится причинять мне боль только потому, что сопротивляюсь. То есть, если я буду проявлять инициативу, она потеряет интерес. Возможно, я прав. В любом случае, не настаиваю, и мы расходимся.

Пока иду по улице, замечаю, что цвета под серым небом выглядят иначе, чем под солнцем. Блёклые, будто нарисованные неумелым художником. Линзы не чувствую, временами вожу глазами туда-сюда, проверяя, на месте ли они. Жаль, что я не могу видеть свои глаза со стороны. Ветер холодный и промозглый, люди кутаются в пальто, высоко поднимаю воротники, бегут, спешат куда-то.

Дома не делаю ничего. Лежу, пью чай, ем бутерброды, долго разглядываю линзы, потом рассматриваю синяки на лице. Один из учителей спросил у меня, откуда это, а я ответил, что упал. Глупо, но тот сделал вид, что поверил.

Прыщи подсохли и почти незаметны. Зачёсываю волосы чуть в бок, рассматриваю отражение и решаю, что без прыщей и с голубыми глазами выгляжу даже симпатично, миловидно. Я никогда не был похож на грубых, здоровенных мужиков, да мне и не хотелось. Светке я нравлюсь, а значит, понравлюсь и Незнакомке. По крайней мере, я очень надеюсь на это.

Отхожу от зеркала, останавливаюсь посреди комнаты и рассматриваю свои руки. вены выступают сильно, потому что я худой. Чем они ей приглянулись? Другое дело, голубые глаза...

Кстати, линзы я купил как раз на тысячу, подаренную Незнакомкой, и уверен, что лучше я бы и не придумал. Это именно то, что мне нужно. Теперь можно не переживать, что очередные отморозки сломают очки, лишив меня четкого зрения. Хотя надеюсь, что больше никто ко мне лезть не будет. В любом случае, я уже не тот сопляк, теперь я знаю, что могу ответить. Что могу сражаться за себя.

Смотрю несколько фильмов подряд и, глядя на одну актрису, думаю, что она очень похожа на образ моей голубоглазой подруги. Иногда ставлю на «стоп» и рассматриваю её, потом ищу фото в интернете, но в жизни она оказывается не так похожа на Незнакомку, как в кино, поэтому возвращаюсь к фильму.

Вечером приходит мать. Уставшая, с глубокими синяками под глазами, наливает себе чай, и я вижу, как она украд-

кой добавляет туда водки. Меня подташнивает, но ничего не говорю, понимая, что уговоры бесполезны.

Готовлю яичницу. Она подгорает, потому что я вновь ухожу в свои мысли и не успеваю вовремя снять сковородку с плиты. Мы с матерью сидим за столом в полном молчании, а когда она доедает, то уходит спать, желая мне доброй ночи.

Возвращаюсь к себе в плохом настроении. Почему она не может бросить пить? Зачем она вообще начинала? Почему водится с этим Олегом? Может быть, я во всём виноват? Не поддержал маму после смерти отца, не стал для неё опорой и защитой. Но ведь мне было всего четырнадцать, что я мог сделать?

Снова тошнит, и я гоню мысли прочь, не желая накручивать себя ещё сильнее. Голубой цвет блокнота успокаивает, мягкая обложка даёт ощущение уюта и внутреннего тепла. Подхожу к зеркалу и сравниваю цвет линз с дневником, почти одинаково. Закутываюсь в плед и усаживаюсь на кровать, случайно открываю прямо на восьмом дне, улыбаюсь, разглядывая рисунки глаз и крестов. Не спорю, выглядит жутковато, но я представляю, как она рисовала, держала ручку своими хрупкими длинными пальцами, сдувала со лба тонкие пшеничные пряди, сосредоточенно сжимала губы и освещала мир своими небесными глазами.

Осталось всего три дня. Я найду её через три дня. Сделаю всё, чтобы найти.

– Конечно, я выбираю тебя, милая. Клянусь, из всех девушек в мире я выберу только тебя, – говорю тихо, вспоминая недавний сон.

Читаю медленно, впитывая каждое слово, стараясь услышать, как она говорит, её мягкий голос, нежный и мелодичный, как щебетание птиц по весне.

Мой милый странник, мне невероятно любопытно узнать, что ты купил себе, но я не смогу, поэтому просто надеюсь, что эта вещь приносит тебе радость.

Вчера вечером, когда я гуляла с Митькой, ко мне пристал пьяный мужик. Спрашивал, свободна ли я. Ответила честно, что нет. Никто из нас не свободен. В какой-то момент поняла, что смогу убить его, если придётся защищаться. Думаю, моя рука не дрогнет. Но в итоге он отстал, и я вернулась домой. Сны снились странные, сложно описать чувства, которые я испытала. Но проснулась утром в замешательстве, потом увидела, как из-под двери поползли пауки. Я закричала, и в комнату ворвалась мама, а насекомые исчезли. Я даже не стала объяснять, да она и не спрашивала, удостоверилась, что я жива и ушла. Мне кажется, это было послание, что пора уже. Ждать нет смысла.

Кстати, прочитала интересную информацию. Если на часах видишь одинаковые цифры, например, 22:22, это значит, что Вселенная говорит с тобой, слышит тебя. Послед-

нее время часто замечаю такие цифры, и я более чем уверена, что мой выбор верный, а путь истинный.

Днём ездила к подруге в гости на другой конец города и видела в автобусе троих людей в одинаковой одежде. Представляешь, как матрица ломается? Кто-то прописал плохой код. Ха-ха. Или высшие силы наконец помогают мне увидеть истину. Пусть второе.

Потом, пока шла от остановки, увидела двух молодых котиков у мусорки. Купила корма и насыпала им на картонку. Моё сердце разрывается, когда вижу бездомных животных, и в груди разгорается ненависть к людям, которые даже не пытаются им помочь. Откуда столько жесткости? Черствые, бездушные роботы.

С подругой выпили немного вина и обсудили мужчин. Говорила в основном она, а я молчала. Сначала думала поделиться с ней своими мыслями, но так и не решилась. Уехала ближе к вечеру, погуляла с Митькой, сегодня раньше, чтобы не встретиться с тем алкашом. Завтра я начну действовать, план уже готов и расписан в моей голове, осталось выполнить всё по пунктам и дойти до финала. Однажды мы встретимся, мой ласковый странник, а пока у нас есть ещё два дня.

Не скучай, не грусти. Не питай этими эмоциями чёртову матрицу. Радуйся, что мы встретились, пусть и не лично, радуйся солнцу и серому небу, осени, дождю и ветру. В этом мире так мало настоящего, а природа, она правдива.

Радуйся ей.

Люблю.

Почему-то начинаю тоже злиться на людей, которые не помогают животным, хотя давно в округе не видел уличных котиков или собак. Возможно, их отстреливают, а может, просто не выгоняют, и второй вариант мне нравится намного больше. Поглаживаю последнее слово, от которого сердце ласково сжимается.

– Я тоже люблю, – шепчу я в бумагу и вдыхаю запах ручки и пыли.

Снимаю линзы и складываю в контейнер, заполненный жидкостью. Прячу блокнот под подушку и, когда ложусь, то одну руку кладу на мягкую обложку, кончиками пальцев другой руки царапаю рану на груди, и от неё волнами по телу разливается щекочущее чувство, сладко-вязкое, шевелящее волосы и рождающее мурашки. Кусаю губы до крови, металлический вкус добавляет воспоминаний. Хочу придумать имя Незнакомке, но ни одно не подходит, все слишком простые, а она особенная. Наверное, её имя звучит идеально. Я услышу его и пойму – да, это оно, то самое. Правильное сочетание звуков, прекрасно переплетение букв. Её имя пропитано божественным светом, в котором рождаются звёзды.

В сон погружаюсь нескоро, несколько раз просыпаюсь с тревожным чувством, но встать не решаюсь, и засыпаю лишь

под утро.

Девятый день.

Открываю слипшиеся глаза, с трудом протираю их, жмурюсь. За окном сплошная серость, голова гудит, и в затылок как будто кто-то бьёт кувалдой. Долго сижу и пялюсь в одну точку, мыслей нет, представляю, как в голове катается перекаати-поле туда-сюда, туда-сюда, и так до бесконечности. А ещё противный звон в ушах, будто маленькая обезьянка беспрерывно бьёт в грохочущие тарелки.

Бам-бам-бам!

Словно она пытается доконать меня или добыть. Сделать мою жизнь невыносимой. Но это просто головная боль, я переживал вещи намного хуже.

Дёргаюсь от зазвонившего телефона, виски простреливает от резкого звука. Он слишком громкий, или мне кажется...

Пока тянусь за ним, думаю, что нужно не забыть и поставить телефон на зарядку, а то всю ночь он пролежал на холодном полу.

– Андрюх, а ты чего в школу не пришёл? – с другого конца трубки слышу голос Светки.

Смотрю на экран – «Санек».

Снова подношу к уху.

– Ты там?

– Приболел, – вру я, хотя чувствую себя и правда неважно.

– Хочешь, я приду к тебе? Может, купить чего-нибудь вкусенького?

Думаю о матери и Олеге, оглядываю бардак в комнате, вспоминаю обшарпанные обои и разбросанные местами бутылки.

– Не надо, спасибо, я полежу, посплю и завтра выздоровею, – отвечаю намеренно хрипло, к счастью, утром это делать несложно, голос такой, словно я не проснулся, а воскрес.

– Как знаешь, – похоже она расстроилась или обиделась, – тогда выздоравливай. Пока.

Говорю «пока», но она уже положила трубку. Я ничего не чувствую к Светке, она неплохая и делает то, что вызывает во мне бурю эмоций, но мысли мои всегда далеко и с другой девушкой. Откидываю телефон, заметив, что уже полдень. Вчера я напрочь забыл поставить будильник, и в итоге проспал до обеда. Падаю обратно на подушку и вновь засыпаю. Нервно и поверхностно.

Хлопок входной двери выдёргивает меня так резко, что я сразу подскакиваю на ноги, а сердце начинает колотиться с бешеной силой.

– Я за долгом пришёл! – орёт басом Олег.

– Сейчас, сейчас, они тут были, в ящике, сейчас, – лепечет мама, а я понимаю, что она ищет те деньги, что я забрал несколько дней назад.

– Просрала всё? Пропила? Сука! – слышу шлепок и глухой удар.

Выскакиваю в домашней одежде и босиком в коридор, успеваю нацепить на нос старенькие очки. Мама лежит на полу и держится за щёку, а упырь, весь красный, трясётся и буравит меня бешеным взглядом.

– Сколько денег? – спрашиваю я дрожащим голосом, сползающим на хрип.

– Семь, – бросает он.

Мама отползает ближе ко мне.

– Две же было, Олежа, – мямлит она, а меня мгновенно начинает тошнить.

Глотаю вязкую слюну, но ком в горле так и остается.

– Проценты набежали, – Олег мерзко хохочет, как умалишённый.

Мне кажется, что так обычно и выглядят психи. Со стекающей слюной, выпученными глазами и трясущимися руками. Грязными, злыми и вонючими. От Олега смердит нещадно.

– Четыре даю, не больше, – говорю чуть отчётливее, чем в прошлый раз, ладони потеют, и дышать становится труднее.

Он бьёт кулаком по стене, чешет щетину и озирается по сторонам. Мать в это время поднимается, и я отодвигаю её себе за спину, но не потому что хочу защитить, а боюсь, что она вновь переметнётся на его сторону.

– Хорошо, четыре гони, – Олег плюёт на пол себе под ноги

и кривит губы в подобии улыбки.

Я возвращаюсь в комнату, дрожащими руками достаю последние четыре тысячи, сминаю в кулаке и возвращаюсь. Мать стоит на месте и что-то бубнит об отношениях, о чувствах, о вере. Стараюсь не слушать, потому что иначе вырву прямо на упыря.

– Четыре тысячи, и больше ты здесь не появляешься, – дышу поверхностно, но голос получается достаточно уверенный, а из-за хрипа даже немного грозный.

– Сам решу, без сопливых, где мне появляться, а где нет.

– Знаешь Меренкова? – заранее извиняюсь перед Светкой, что прикрываюсь её папой.

Лицо Олега вытягивается, и пыл его чуть утихает.

– Это отец моей девушки, одно моё слово и будешь сидеть в тюрьме как миленький, – выдыхаю, подхожу чуть ближе и протягиваю деньги, – забирай четыре тысячи и забудь дорогу к этому дому.

Он выхватывает купюры, а я отдёргиваю руку, боясь, что упырь может схватить меня. Отхожу на безопасное расстояние, прикрывая спиной мать.

– До поры до времени она твоя девушка, щенок, – рычит Олег, но всё-таки покидает квартиру, унося с собой спёртую вонь и перегар.

Я стремительно закрываю за ним дверь на ключ. Стою на месте, пытаюсь успокоиться. Сердце колотится, руки вытираю о футболку, они холодные и липкие от пота. Иду на кух-

ню и выпиваю два стакана воды залпом, затем сажусь за стол и глубоко дышу, прокручивая наш с Олегом диалог в голове. Он ведь запросто мог убить меня одним ударом. Здоровенный, с огромными кулачищами. Но Олег испугался. Не захотел проблем. Не уверен, что он не потребует реванша, но на какое-то время мы с мамой в безопасности. А дальше... Я что-то придумаю, сумею выкрутиться.

– Андрюшенька, что ж ты так грубо-то? Он же неплохой человек, просто вспыльчивый, – мать пытается меня погладить по спине, но я скидываю её руку.

– Ты смеёшься надо мной? – начинаю ровным голосом, но с каждым словом громкость возрастает сама собой, – он бьёт тебя! Вымогает последние деньги! Спаивает! Твой Олег редкостная сволочь! Прекрати его защищать! Перестань оправдывать! Забудь о нём, он больше не придёт никогда! Я не врал про Меренкова! Клянусь, я сделаю всё, чтобы твой Олеженька присел надолго!

В конце тирады я ору как потерпевший и активно размахиваю руками. Мама сидит на стуле, опустив голову, и мне становится жаль её.

– Мам, – тише говорю я и аккуратно кладу руку ей на плечо, – пожалуйста, давай наладим нашу жизнь. Забудь про Олега, я тебя умоляю. Хотя бы попытайся, – сглатывая, решая сказать то, что не говорил уже очень давно, – я... я тебя люблю... мам...

Слова даются тяжело, как поднять огромный булыжник. Она поднимает голову и смотрит на меня заплаканными глазами, потом неуверенно кивает, и я непроизвольно улыбаюсь.

– Хорошо, сыночек мой. Я тоже люблю тебя, родной. Хорошо.

– Обещаешь?

– Постараюсь, – снова кивает и накрывает мою руку своей, – я буду очень стараться, обещаю.

– Почему ты не на работе? – увожу разговор в другое русло, чтобы отвлечься.

– Вчера взяла отгул на сегодня, хотела убраться, приготовить что-то для тебя, сын, – отвечает буднично, попутно протирая краешком вафельного полотенца щеки от подсохших слез.

– Я помогу, – улыбаюсь, и мама тоже начинает хмыкать, а потом даже смеётся и треплет мне волосы, мягко, с любовью.

Весь день проводим с мамой дома. Бегаю в магазин за продуктами, готовим борщ, она пылесосит, а я мою полы. Очень долго перебираем вещи, которые навалены, то тут, то там. Много выбрасываем, хотя мама постоянно пытается доказать, что всё нужное и может когда-нибудь пригодиться. Смеюсь с этого и мягко выманиваю вещи, которые давно пора отправить на мусорку.

Открываем настежь все окна, и, наконец, наша квартира становится чистой. Осенний ветер врывается и уносит остат-

ки былой жизни, заменяет на свежий сладковатый воздух, наполняет комнаты кислородом, которого так не хватало последние два года. Замечаю на щеках мамы румянец. Она выглядит моложе и красивее.

Размышляю о будущем, и впервые вижу свет впереди, как будто я снова на крыше, смотрю за горизонт, первые лучи рассветного солнца разрезают мглу, они озаряют мою жизнь, раскрашивают в красный, жёлтый, лиловый, добавляют немного розового и золотистого. Моя Незнакомка хотела освободиться, вырваться из матрицы, и сейчас я чувствую себя так, словно я наконец-то свободен в своём выборе, что все пути передо мной открыты, а матрица не властна над моей судьбой.

Когда мы ужинаем горячим насыщено красным борщом с кисловатым привкусом, задумываюсь над тем, чтобы рассказать маме про блокнот, но решаю, что сначала дочитаю, а потом расскажу. А когда найду Незнакомку, то представлю её маме. Уверен, она будет рада, ей понравится моя милая подруга, она примет её в нашу семью. Пусть папы больше нет с нами, но мы можем жить дальше. Мы должны жить дальше несмотря ни на что.

Иду в коридор, аккуратно беру зонт, а потом долго и тщательно смываю с него всю грязь. Хочу, чтобы память об отце осталась не запятнана. Пока держу зонт под струёй теплой воды, думаю о нём, вспоминаю все приятные моменты. Как мы гуляли в парке, он покупал мне мороженое, шоколадное

в вафельном стаканчике, сажал к себе на шею и крутился, а я заливался смехом. Тогда я и подумать не мог, что он так рано покинет нас, но это случилось. Я винил его, что оставил нас, но сейчас гнева нет, только добрая ностальгия и тихая печаль.

Папа не виноват в своей смерти. И я благодарен ему за счастье, которое он успел подарить нам с мамой, пока был жив.

Выключаю кран, шум воды резко стихает, и я чувствую облегчение. Вместе с подсохшей грязью ушло что-то тяжелое, отравляющее мою душу. Трясу зонт от капель и ставлю его в коридоре сушиться. Мама моет посуду, напевая какую-то мелодию, кажется, из старого фильма, которые она так любит порой пересматривать.

Возвращаюсь на кухню, сажусь за стол и тихонькой цежу горячий чай. На подоконник садится чёрная ворона, но быстро улетает прочь, оставив после себя облезшее перо. Думаю, к чему прилетают птицы. Где-то слышал, что есть суеверие: птица, залетающая в дом к вести. Но ворона просто села на подоконник со стороны улицы, а значит это не примета, а просто птица.

Мама обещает бросить пить, а я говорю, что хочу поступить в колледж, и мы долго обсуждаем на какую лучше специальность. Она домыла посуду и теперь сидит напротив за столом, а полотенце так и висит на её плече. От души искренне смеюсь, когда мама рассказывает про посетителей киос-

ка, где работает. Часто за сигаретами заходят подростки, которых она отправляет восвояси, хотя некоторые даже показывают ксерокопии паспортов, где они умело подделали дату рождения.

– Я же вижу, что ему лет двенадцать от силы, – смеётся мама, – а он мне в бумажку тычет и убеждает, что ему вот-вот стукнет тридцать.

Я хохочу вместе с ней, поражаясь наивности детей. Размышляю о воспитании. Раз они хотят купить сигареты, значит родители не объяснили им, что курить вредно? Или объяснили, но своим примером показали обратное? Но я ведь не начал пить, да и в будущем не собираюсь. Вопрос оказывается сложным и неоднозначным, и я решаю подумать об этом позже.

Потом мы вместе смотрим старый советский фильм по телевизору у неё в комнате, а я постоянно оборачиваюсь, разглядывая чистые полки, воздушные шторы, мягко поблёскивающий хрусталь в стареньком серванте, и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз у нас был такой порядок. Наверное, очень давно. На ум приходит, что несколько лет назад, когда ещё был жив отец. Тогда мама была совсем другая. Любила наряжаться и краситься, её лицо было розовым и подтянутым, никаких припухлостей и синяков под глазами. Тогда у неё ещё не было морщин. Она часто улыбалась, много шутила и любила убираться. Помню, как вечерами отец готовил его фирменную жареную картошку, а мама намывала

полы. Я тогда почти не помогал им, и теперь жалею об этом. Стоило побольше времени проводить с семьёй. Теперь я настроен всё исправить, я буду рядом с мамой.

Около двенадцати ночи желаю ей хороших снов, а она предлагает мне завтра не ходить в школу и ещё денёк отдохнуть, потому что «хорошо потрудились сегодня».

Улыбка не сползает с лица, когда сижу на кровати под одеялом и поглаживаю любимый блокнот в нежно-голубом цвете. Прижимаю его к груди, смущённо целую и раскрываю на девятом дне. Сегодня и завтра, всего два дня, и я найду её. Не знаю, что скажу ей при встрече, наверное, просто «привет». Похвалю её печенье, в любом случае, даже если оно невкусное, хотя уверен, что это будет самое лучшее, что я когда-либо ел в своей жизни. Уж точно лучше любимого мамино овсяного. Сделаю комплимент её глазам, даже если они не голубые, буду держать её за руку, даже если пальцы её не хрупкие и не длинные, и буду мягко убирать её волосы за ухо, даже если они не пшеничные. Я сделаю её самой счастливой, стану опорой и защитой, буду любить её бесконечно и трепетно, она станет моей прекрасной розой, рассветным солнцем, которое осветит дорогу её милому страннику.

Начинаю читать, а бабочки внутри бьются крылышками о рёбра и живот, подлетают к горлу и выпархивают с дыханием, ширя улыбку на моём лице.

Мой странник, незнакомец, забравший моё сердце, или незнакомка, но это неважно. Я дарю тебе свою душу вместе с этим дневником, береги и храни её.

Сегодня проснулась полная сил и энергии. Сначала было лёгкое волнение, но к середине дня я успокоилась и до конца утвердилась в своём намерении. Я оставила сомнения далеко позади, в прошлой, серой и унылой жизни. Я решилась и бесконечно рада этому.

Утром, пока лежала и нежилась в мягкой постели, видела, как Митька игрался с четырьмя чёрными котами, но потом моргнула, и они исчезли. Мои друзья и защитники приходили проведать, напоминали, что остался всего один день. Сначала я разбила свою копилку и насчитала аж семьдесят шесть тысяч рублей. Представляешь, как много я смогла накопить! Даже больше, чем необходимо. Хотя теперь мне уже ничего не будет нужно.

Собралась, взяла Митьку и поехала в приют для бездомных животных. Котик мой ехал в переноске и почти не мяукал. Первое время я плакала, не могла сдержать слёзы. Они катились по щекам сами собой. Мне очень тяжело было расставаться с моим родным существом, но я прекрасно понимаю, что там ему будет лучше, чем с моими родителями. В приюте отдала моего Митю с болью в сердце, попросила кормить его хорошо, гладить почаще и по возможности выгуливать вечерами. Он, как пёс, любит бегать по

земле, обнюхивать всё вокруг, гоняться за птичками.

Потом погуляла с собачками, которые там содержатся. Они ведь постоянно привязаны к своей конуре, а люди редко приезжают, чтобы провести время с животными и помочь работникам. Поэтому я выгуляла каждого, поиграла с ними, рассказала о своей задумке. Кажется, они одобрили.

Потом пошла к котам, с маленькими повозилась дольше, чем с другими. Котятам нужно внимание и забота, человеческое тепло. Взрослых погладила хорошенько, отдала им столько любви, сколько смогла. Работникам пожертвовала все деньги, какие были, они удивились и сначала даже решили, что я их разыгрываю. Убедила в серьёзности своих намерений, снова попросила за Митьку, долго прощалась с ним, говорила, что люблю его, но придётся уйти, обещала, что о нём позаботятся, и много плакала, пока он тёрся своим носом о мои щёки. С тяжёлым сердцем ушла, не позволяя себе оглядываться.

Да, я сделала все верно, другого пути нет, только один, единственно верный. Ты поймешь меня, согласишься.

Вернулась домой и приготовила те самые печенья, которые ты нашёл в пакете. Я очень старалась. Пусть выглядят они не так уж и красиво, но уверена, что вкусные: хрустящие, солёненькие, с тонкой ноткой миндаля. Некоторые ингредиенты сложно было отыскать, но я смогла. Поставила в холодильник, пусть доходят.

Вечером прогулялась одна вокруг дома, снова поплакала,

вспоминая моего родного Митьку, чёрного с белыми пятнами, с длинными усами и игривым нравом. Посидела на лавочке, стараясь успокоиться. Мне не хватает его даже сейчас, хотя я понимаю, что поступила правильно. Надеюсь, он простит меня.

Вернулась домой, а родители даже не спросили, где кот. Им всё равно. Поэтому я в очередной раз убедилась, что сделала всё верно, ведь эти никчёмные людишки уморили бы его голодом или сразу выкинули бы на мусорку, даже не озаботившись, сможет ли он выжить один, в холоде и под дождём.

Сейчас наконец привела себя в чувства. Завтра главный день в моей жизни, ощущаю волнение и приятное предвкушение. Кажется, что я собираюсь шагнуть в пропасть, но там внизу не жесткая земля, а мягкие воды, которые примут меня в свои объятия и даруют счастье. Я уверена, что так и будет. Голоса шепчут, а я внимаю им и верю безропотно.

Остался один крохотный денёчек, и я напишу тебе ещё пару строк, а сейчас спи спокойно и счастливо, прекрасная душа.

Ласковый странник моей жизни.

Чувствую, как слёзы заполнили уголки моих глаз из-за истории с котом. Понимаю, что в поездке с животным тяжело, но ситуация всё равно грустная. Вытираю мокрые дорожки

со щёк, осознаю, что остался всего лишь один день.

Завтра.

С одной стороны, грустно, я успел привыкнуть к этим буквам, к дневнику и каждодневному чтению, но с другой – теплится надежда на скорую встречу. Решаю прочитать завтра сразу, как проснусь, чтобы днём уже мог как-то связаться с ней.

Глаза слипаются, поэтому снимаю очки, кладу их на пол рядом с кроватью, дневник прижимаю к груди, накрываюсь одеялом и сладко засыпаю, окружённый свежестью поздней осени.

Десятый день.

Просыпаюсь от солнечных лучей, озаряющих комнату. Она кажется совсем другой: светлой и полной жизни. Внутри бурлит радость и мягкое волнение, предвкушение. Потягиваюсь, напрягая и расслабляя мышцы, блокнот лежит рядом, но я решаю сначала приготовить чай, а потом уже читать. Бодро хватаю очки, одеваюсь и чуть ли не вприпрыжку бегу на кухню. Мама сидит за столом, кушает овсянку, запивая горячим молоком. Она уже накрутилась, значит, скоро уйдёт на работу.

– Рано вскочил, всё-таки в школу идёшь? – говорит она с мягкой улыбкой, и вся точно светится от солнечных лучей.

– Просто выспался, – отвечаю, затем завариваю чай и сажусь рядышком, – настроение хорошее.

– Конечно, вон какое солнце сегодня, – она указывает на окно, а я шурюсь и отхлёбываю горячий напиток.

– Мам, – произношу и замолкаю. Она поворачивается и внимательно вглядывается в моё лицо. Я выдыхаю и неловко выпаливаю, – я тебя люблю.

Она тут же обнимает меня, стискивает, а потом гладит по голове.

– И я тебя люблю, сыночек, – улыбается так, как когда был

жив папа, и всё было хорошо.

Она моет кружку, ставит мне овсянку под нос и направляется к выходу.

– Хорошего дня, мамуль, – кричу вдогонку, но хлопок двери говорит о том, что она уже ушла и не услышала.

Не печалюсь, ведь теперь жизнь налаживается, а значит, я ещё не раз смогу ей это сказать. И то, что люблю её, и пожелания хорошего дня, да и вообще кучу всего, что хотел, но так и не решался.

Чай приношу с собой, ставлю на стол, а сам сажусь на кровать и беру блокнот. Перечитываю каждый день сначала. Замечаю, что к пятому дню её настроение стало лучше, что у неё появилась цель в жизни, параллельно гадаю, куда она решила уехать, потом задумываюсь, что за тени она видела, перечитываю про шёпот, и внезапно моё дыхание застревает в горле. Опасная мысль закрадывается в сознание, маячит, а я упорно её игнорирую, но всё равно подозрение только усиливается.

У неё появились галлюцинации, ведь никаких существей не существует, призраки – это же выдумка. Их не бывает. Ей нужно было уже на пятый день идти к психологу или психиатру. Она должна была лечиться.

Тру лоб, зачёсываю пальцами волосы назад и подёргиваю ногой. Тревога заполняет грудь и тянет щупальца в живот, больно надавливая на пупок. Дышу чаще, чем нужно, но читаю дальше. Она отдала кота в приют, отдала все деньги, хотя

для переезда они бы ей понадобились, постоянно твердила про свободу и матрицу, писала, что разрушит иллюзию. Живот начинает крутить, а сердце несколько раз прокалывает.

– Нет, – вырывается сдавленный шёпот из лёгких, и я роняю блокнот из ослабевших рук.

Вытираю вспотевшие ладони о штаны, трясущимися пальцами поднимаю дневник обратно и открываю на десятом дне. Сам дрожу и сначала не могу разглядеть слова. Чуть успокаиваюсь, дышу глубоко, убеждая себя, что мог ошибаться.

Я должен ошибаться.

Кусаю губы как бешеный, жмурюсь, несколько раз поправляю очки, которые постоянно сползают. В ушах шумит гулкое сердцебиение, но я фокусирую взгляд и читаю.

Мой милый, ласковый странник. Вот и подошло к концу наше с тобой путешествие. Прошло всего десять дней, а столько всего произошло, сколько эмоций витало вокруг, сколько решений было принято! Я очень рада, что ты прошёл этот путь вместе со мной, не бросил на середине. Печенье сложила в пакетик, оно должно сохраниться к десятому дню, прочитала в интернете.

Я сижу на лавочке у моста, льёт дождь, но я под зонтиком, поэтому ничего не намокает. Денёк выдался, конечно, не самый удачный, и я так и не увидела солнца, хотя очень хотелось напоследок насладиться тёплыми лучами малень-

кого шарика. Я уже написала ту записку, которую ты нашёл в первый день и положила в пакет с красной розой. Специально выбрала его, чтобы среди этой бесконечной серости он выделялся, как сбой в матрице.

Сейчас мне даже немного грустно уходить, хотя это временное, ведь стоит подумать о людях и о мире, как моя убеждённость крепнет с новой силой. Я оставлю пакет на этой лавочке, но уйду не здесь. Не хочу, чтобы ты увидел спойлер моей истории, поэтому я выбрала другой мост, красивый, с золотистыми завитками и фигурами львов на входе и выходе. Думаю, ты знаешь это место. Согласись, оно подходит, как врата в другой мир, чистый, светлый и добрый.

Я люблю тебя, мой странник. И обязательно дам тебе знать, что там, на той стороне. Если смогу, то обязательно расскажу, каково плыть по реке и как выглядит чёрный ангел.

Уверена, что мы с тобой обязательно встретимся, раз мои сердце и душа теперь принадлежат тебе.

Доброго пути, любимый странник! И пусть солнце ведёт тебя к истине и свободе!

Твоя Вероника.

Слёзы стекают по щекам, вновь роняю дневник на пол. Не помня себя, достаю из рюкзака пакет с алой розой, вытаскиваю печенье и кидаю на стол. Сам сажусь перед компьютером

и дрожащими руками кликаю мышкой в поисках новостей за тот день, когда все началось.

Началось для меня, закончилось для неё.

Стучу зубами, как будто мне холодно, хотя на самом деле жар прокатывается по телу волнами. Закидываю в рот первое печенье и жую.

Хруст, соль и миндаль, как она и писала. Очень вкусно, хотя остаётся налёт горечи на языке.

Проглатываю и следом закидываю ещё одну, пока пролистываю вниз новости о новых маршрутах автобусов, выступлениях каких-то ансамблей, прогнозе погоды. Листаю дальше, закидываю в рот ещё одну, хотя вкус её почти не чувствую.

Внезапно взгляд цепляется за имя.

«Вероника».

Руки трясутся, но я открываю статью и, прежде чем читать, тру глаза слишком сильно, и зрение пропадает на секунду, меняясь вспыхивающими пятнами. Жмурюсь несколько раз, ширю глаза. Язык онемел, кладу в рот ещё одно печенье и жую механически, прикованный к тексту на экране монитора.

(Дата случившегося) на 19-ом году жизни скоропостижно скончалась в результате падения с (название) моста единственная дочь А. Вероника Сергеевна. Родилась Вероника Сергеевна (дата рождения), училась

в школе на «хорошо» и «отлично». Со слов родителей, очень любила своего кота по кличке Митя.

Отрываюсь от текста и сглатываю. Во рту чувствую яркий металлический привкус, дыхание прерывается, как будто что-то давит на грудь. Стучу кулаком по столу и вскрикиваю. Сердце бьётся так сильно, кажется, оно решило выломать мне рёбра. Снова сдавленно кричу, вою, не могу никак остановиться.

Почему она решила умереть? Почему?

Я не верю.

Не могу поверить в это.

Язык не чувствую, щёки изнутри тоже немеют, один лишь горький металл, как будто кровь заполнила рот и скоро прольётся через край.

Снова вглядываюсь в экран, глаза болят, и я щурюсь от белого света.

Кот пропал в тот же день, и никто не знает, куда она могла его деть. В психоневрологическом диспансере на учёте состояла. Имела подруг, была весёлой и общительной девушкой. Память о ней навсегда останется

в наших сердцах.

На фото она. Восхитительная, подобна ангелу. Волосы темно-русые, чуть ниже плеч, глаза карие, тонкие губы и пухлые щёчки. Сидит на стуле, сложив руки на коленях. На коротеньких пальчиков серебристые колечки.

Моя прекрасная Незнакомка... Она даже лучше, чем я представлял.

Не глядя, шарю рукой в пакетике и достаю последнее печенье. Закидываю в рот, жую с трудом, мышцы не слушаются, да я и не чувствую ни вкуса, ни хруста. Кое-как проглатываю, а потом мычу с закрытым ртом от бессилия.

Слабость постепенно просачивается в мышцы, и мне хочется лечь на кровать, но я не двигаюсь с места. Разум немного плывёт, а я делаю глубокий вдох, прилагая немало усилий, и с трудом разгоняю навалившуюся дрему.

– Ты обещала, что мы встретимся, – бормочу я почти бессвязно, потому что язык не слушается, – как мы теперь встретимся? Как мы...

Прерываюсь и замолкаю.

«Мы ещё встретимся».

Бросаю болезненный взгляд на целлофановый пакетик.

Миндаль.

Где я слышал про него? Когда-то я читал про вкус миндаля. Горького миндаля.

Снова делаю сдавленный вдох, воздух застревает в груди. Мир плывёт, а тело норовит свалиться со стула.

Миндаль.

«Мы ещё встретимся».

Разум начинает биться в панике.

– Нет! – хочу закричать, но получается только глухое мычание.

С невероятным трудом тянусь пальцами к телефону. Он размыт, но я его ещё вижу. Только бы суметь дотянуться и набрать сто три. Возможно, я смогу кое-как продиктовать адрес. Возможно, скорая успеет приехать вовремя.

Рука ползёт по столу медленно, но я напрягаюсь изо всех сил, хотя тело слабеет с каждой секундой.

Всё.

Хватаю и тут же валюсь со стула, с грохотом ударяюсь о пол и поворачиваю голову вправо.

На лице ползёт вымученная улыбка, ведь телефон так и остался на столе, а между пальцев застрял листок в клетку. Я схватил, но совсем не то, что спасёт мою жизнь.

А, быть может, так хотели высшие силы?

Я вижу всего одну фразу. Зрение подводит, словно смотрю через щёлку, но эта фраза, написанная красивым почерком с игривыми завитушками, таким любимым и родным стилем, словно увеличивается в размерах и маячит перед глазами.

Счастливого пути, странник!

Изо рта, полного металла, вырывается смешок. Дыхание поверхностное, голова постепенно освобождается от мыслей, становясь пустой и свободной.

Счастливого пути, странник!

Я уже не в силах отвернуться, а потому продолжаю смотреть на помятый листочек. Тело подёргивается, но я его не контролирую. Обрывки мыслей мелькают в голове.

Она подарила мне свободу. Разрушила иллюзии. Прощай, матрица.

Счастливого пути, странник!

Мама снова начнёт пить.

Счастливого пути, странник!

Интересно, Виктор и Белый обрадуются новости?

Счастливого пути, странник!

Расстроится ли Светка? Будет ли она горевать по мне?

Счастливого пути, странник!

Я больше никогда не увижу рассвет. Ни солнца, ни снега, ни весенних ручьёв. Запах подснежников, воздух после грозы, сухой песок в жаркий летний зной.

Счастливого пути, странник!

Мама... бедная моя мама... она не переживёт этого...

Счастливого пути, странник!

Теперь мы точно встретимся, моя Незнакомка.
Моя Вероника.

Счастливого пути, странник!

Счастливого пути, странник!

Счастливого пути, странник!

Счастливого пути, странник!

Счастливого пути, странник!

Эпилог.

(Дата случившегося) на 16-ом году жизни скоропостижно скончался в результате отравления цианидом единственный сын Васнецов Андрей Д. Родился Андрей Д. (дата рождения), учился в школе в девятом классе на «хорошо» и «отлично». Со слов мамы, хотел поступить в колледж, любил слушать музыку. В психоневрологическом диспансере на учёте не состоял. Друзей имел немного, был добрым, любящим, надёжным, верным и трудолюбивым парнем. Память о нём навсегда останется в наших сердцах.